

Фиктивный Брак

ТРУДЕН ТОЛЬКО ПЕРВЫЙ ШАГ.

Ляля Либерман

18+

Ляля Либерман

**Фиктивный брак. Труден
только первый шаг**

«Автор»

2026

Либерман Л.

Фиктивный брак. Труден только первый шаг / Л. Либерман —
«Автор», 2026

Тихий Петербург. Остров Вельский. Два мира, две судьбы, не имеющие ничего общего, но вынужденные пересечься в одной точке. Алиса Елисеева — женщина, которую жизнь повернула в другую сторону после аварии. Павел Осколков — человек, чье прошлое забрало у него веру в возможность быть счастливым. Когда их пути пересекаются, мир вокруг начинает меняться. В этом замкнутом пространстве между реальностью и фикцией рождается нечто странное и мистическое. Чистая любовь или ловушка для души?

© Либерман Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. РАЗГОВОР В ОФИСЕ	5
ГЛАВА 2. ДОЧЬ, РАДИ КОТОРОЙ ОН БОИТСЯ	13
Глава 3. КАНДИДАТУРА	19
Глава 4. ЧЕЛОВЕК С ОСТРОВА	26
Глава 5. РАЗГОВОР ПО ВИДЕОСВЯЗИ	30
Глава 6. ПРЕДЛОЖЕНИЕ	38
ГЛАВА 7. КОНТРАКТ	40
Глава 8. ПЕРВЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЗВОНОК	44
Глава 9. ВИДИМОСТЬ БРАКА	47
Глава 10. ТИШИНА МЕЖДУ ВОПРОСАМИ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ляля Либерман

Фиктивный брак. Труден только первый шаг

Глава 1. РАЗГОВОР В ОФИСЕ

Петербург стоял как в стекле. Серый. Летний. Сдержанный. Не жаркий, но и не приветливый. Просто безчувственный к чужой беде.

С высоты сорок второго этажа город казался аккуратным макетом. Машины ползли ровными нитями. Вода внизу тускло блестела. Мосты лежали спокойно. Небо низко висело, тоже ждало решения.

В кабинете Владимира Мироновича Елисеева было тихо.

Климат-система работала почти неслышно. Часы на стене не тикали. Дорогие часы не тикают. Они просто отсчитывают жизнь.

Елисеев стоял у окна. Высокий. Подтянутый. В дорогом темно-синем костюме. Плечи прямые. Шея жесткая. Только левая ладонь иногда ложилась на ребра. Ненадолго, больше по привычке. Сам себе запрещал задерживать руку. Там теперь жило то, о чем никто не смел говорить легко.

На низком столике у мягкой зоны остывал кофе. К чашке он не притронулся.

На рабочем столе лежала папка из швейцарской клиники. Белая. Тонкая. Такие папки всегда выглядели слишком аккуратно для плохих новостей.

Дверь открылась бесшумно.

Андрей Николаевич Корсаков вошел без спешки. Как входил в этот кабинет последние двенадцать лет. Без лишних движений. С планшетом и документами. И лицом человека, который не имеет права на растерянность.

Он остановился на почтительном расстоянии.

— Владимир Миронович.

Елисеев не повернулся.

— Садись.

Корсаков сел. Не сразу. Сначала положил документы на край стола. Взглянул на хозяина кабинета. И только потом опустился в кресло.

Молчание осталось между ними. Не служебное. Тяжелое.

Елисеев смотрел на воду.

— Бруннер выходил на связь утром, — глухо проговорил он. — Подтвердил окно на пятницу.

— Я помню.

— Подтвердил и другое.

Корсаков кивнул. Он уже знал. Но хотел, чтобы это было сказано самим Владимиром Мироновичем. Иногда человек верил в собственную реальность только после того, как обозначал ее вслух.

Елисеев наконец обернулся. Лицо у него было неподвижным. Только под глазами легли глубокие тени.

— Он сказал, что прогноз хороший. А потом посмотрел так, будто мы оба взрослые люди и можем не притворяться.

Корсаков не ответил.

— Терпеть не могу эту вечную врачебную вежливость. Она всегда звучит как аккуратно сложенное вранье.

Елисеев подошел к столу. Открыл папку. Закрыл. Подвинул на край. Руки крепкие, уверенные. Но сегодня в них появилась осторожность, которая приходит не от старости, а от страха.

— Пять дней, — бросил он. — Через пять дней я вылетаю. Через шесть буду на столе. Через семь либо начнется восстановление. Либо начнется другой разговор. Без меня.

Корсаков сцепил пальцы.

— Я бы не советовал вам строить разговор вокруг худшего варианта.

— А я не советую тебе успокаивать меня формулировками для Совета директоров.

Это прозвучало жестче, чем нужно. Елисеев тут же выдохнул. Отвел глаза.

— Извини.

— Не за что.

Снова стало тихо. За стеклом проплыла чайка. Совсем близко. Белая. Нелепо свободная. Корсаков проводил ее взглядом. И подумал, что сейчас лучше не трогать отчеты, активы, план замещения, что уже лежал у него в портфеле. Сейчас в кабинете сидел не владелец группы компаний. А отец, который должен был принять жесткое решение.

Елисеев провел ладонью по лицу.

— С активами все понятно. Со структурой тоже. Ты удержишь. Лев Аркадьевич впряжется. Совет пошумит и успокоится. Не в первый раз.

— Да.

— А вот с Алисой не понятно ничего.

Имя дочери изменило голос. Совсем немного, но достаточно.

Корсаков опустил глаза в стол. Это было единственное проявление деликатности, которое он себе позволил.

— Она справится, — искренне ответил он.

Елисеев коротко усмехнулся.

— Именно это и страшно.

Корсаков поднял взгляд.

— Поясните.

— Она справится. Конечно. Она вообще умеет справляться так, что всем вокруг становится стыдно за собственную слабость. Улыбнется. Пошутит. Развернет свою машину на месте так, будто выиграла у мира очередной раунд. Закажет лекарства для чужой собаки. Соберет деньги для чужого приюта. Убедит всех, что все в порядке. Потом останется одна.

Последние три слова прозвучали очень тихо. И горько. Елисеев откинулся на спинку кресла. Ненадолго закрыл глаза.

— Я все эти годы думал, что главное — дать ей все. Дом, образование, свободу. Лучшие технологии. Надежных людей рядом. Я строил вокруг нее такую систему, чтобы у судьбы не осталось лазеек. А теперь выяснилось, что лазейка была одна. Моя собственная жизнь.

Корсаков молчал. С сочувствием он работал плохо. С точностью — безупречно. Потому и сидел в этом кабинете столько лет.

— Вы хотите обсудить варианты защиты? — с готовностью спросил он.

Елисеев посмотрел на него пристально. Зло. Почти с надеждой.

— Я хочу обсудить то, о чем сам думаю уже неделю и каждый раз испытываю отвращение.

— Значит, обсудить надо.

— Удобный у тебя характер.

— Рабочий.

Это была шутка. Только оба не улыбнулись.

Елисеев встал. Прошел к окну. Вернулся. Видно было, что усидеть ему трудно. Боль он скрывал профессионально. И все же прятать приходилось слишком часто.

— Если меня не станет, — прорычал он, — Алиса останется наследницей такого объема, на который слетится все, что умеет улыбаться с расчетом.

— Я понимаю.

— Нет. Ты понимаешь головой. А я знаю, как это будет выглядеть. Сначала осторожно. Потом красиво. Следом заботливо. Один скажет, что восхищен ее мужеством. Второй — что давно искал женщину не пустую. Третий заведет разговор о совместном фонде. Четвертый окажется из старой фамилии и с хорошими манерами. Все придут не к ней. Ко мне. К моему имени. Моим деньгам. Активам. А она...

Он оборвал фразу. Корсаков ждал.

— А она поверит в хорошее, — договорил Елисеев. — Потому что не умеет жить иначе.

В кабинете будто стало еще тише. Корсаков открыл папку. Не ту, что была из клиники. Свою. В ней лежали подготовленные на разные случаи документы. Он не торопился доставать нужные. Пока только коснулся бумаги пальцами.

— Есть несколько решений, — бесцветно сказал он.

— Назови.

— Ужесточение наследственного контура. Передача части активов в закрытые фонды. Дополнительная опека через доверительный совет. Расширенные ограничения на сделки.

Елисеев поморщился.

— Это защищает деньги. Не ее.

— Да.

— Дальше.

— Перевод части собственности до операции. Формально на нее. С реальным управлением через структуру.

— Это сделает ее мишенью еще быстрее.

— Да.

— Дальше.

Корсаков замолчал.

Елисеев это заметил сразу.

— Говори.

— Вариант есть.

— Я поэтому и позвал тебя.

— Он вам не понравится.

— Смотря насколько он плох.

Корсаков положил ладони на папку. Выпрямился.

— Его лучше назвать не хорошим. Рабочим.

Елисеев усмехнулся уже без всякого тепла.

— Ты никогда не разочаровываешь.

— Спасибо.

— Не за что. Говори.

Корсаков чуть медленнее обычного произнес:

— Алису нужно выдать замуж.

Слова легли между ними как предмет, который никто не хотел брать в руки.

Елисеев не двинулся. Только лицо его стало совершенно неподвижным.

— Повтори.

— Ей нужен муж.

— Ты в своем уме?

— Да.

— Фиктивный?

— Да.

Елисеев встал так резко, что кресло чуть отъехало назад. Он уперся ладонями в стол. Посмотрел на Корсакова, как когда-то смотрел на людей, подписывающих себе увольнение одной не той фразой.

— Ты сейчас предлагаешь мне продать дочь на время, чтобы защитить активы?

— Нет.

— А звучит именно так.

— Я предлагаю вам дать ей юридический щит. На тот период, когда вы не сможете держать ситуацию лично.

— Через брак.

— Через статус.

Елисеев обошел стол. Медленно. В нем не было суеты. Зато было бешенство, которое он много лет назад научился не показывать никому.

— Ты предлагаешь сделать мою дочь участницей грязной схемы?

— Я предлагаю использовать единственный социальный инструмент, который по-прежнему считается быстро и почти всеми одинаково.

— Я не хочу, чтобы рядом с ней появился кто угодно с печатью в паспорте.

— И не надо кто угодно.

Они смотрели друг на друга в упор. Корсаков выдержал. Это тоже было одной из причин, почему он сидел в этом кабинете столько лет.

— Объясни, — сказал Елисеев.

— После вашей операции будет окно неопределенности. Даже если все пройдет хорошо, рынку, прессе, партнерам и дальним родственникам понадобится время, чтобы оценить реальность. За это время на Алису начнут смотреть иначе. Не как на дочь живого владельца. А как на потенциальную точку доступа. Если в этот момент она будет официально замужем, интерес сменит форму. Часть охотников отвалится сразу. Часть начнет ждать. Испугается конфликта с мужем. У нас появится время.

— Время для чего?

— Для вашего возвращения. Или для нового решения.

Елисеев отошел к окну. Несколько секунд он просто дышал. Осторожно.

— Ей двадцать четыре года, — подвел итог он, не оборачиваясь. — Я не для того учил ее жить без скидок, чтобы теперь самому подсовывать фальшивую жизнь.

— Вы не подсовываете. Предлагаете форму защиты.

— Какая удобная у тебя лексика.

— Я здесь именно для этого.

— Для чего? Чтобы упаковать унижение в правильные слова?

Корсаков выдержал и это.

— Для того, чтобы в плохой ситуации искать решение, а не приличные выражения.

Елисеев закрыл глаза. Фраза попала точно. Он стоял к Корсакову спиной. В стекле отражалось его лицо. Усталое. Жесткое. Чужое самому себе.

— Она меня возненавидит, — пробормотал он.

— Нет.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что она любит вас больше, чем свою обиду.

Елисеев усмехнулся.

— А ты, я смотрю, успел изучить мою дочь.

— Я давно работаю рядом с вами. Это неизбежно.

— И что еще ты про нее понял?

Корсаков ответил не сразу.

— Что она не сломается. Но это не значит, что ей не нужна защита.

Слова повисли в воздухе. Елисеев медленно сел. Теперь уже не за стол. В кресло у окна. Будто разговор стал не рабочим, а слишком личным для полированной поверхности дерева и строгих папок.

— Допустим, — сказал он. — Предположим, я вообще допускаю подобную мерзость. Кто на это согласится?

— Человек со стороны.

— Это не ответ.

— Человек достойный. Не бедный до истерики. Не амбициозный до безумия. Не связанный с нашими кругами. Не зависящий от ваших денег. Достаточно взрослый. Закрытый. Желательно такой, который сам не заинтересован в близости.

Елисеев поднял брови.

— Последнее прозвучало особенно отвратительно.

— Зато честно.

— И где ты возьмешь святого с юридическим образованием и справкой о полном равнодушии к женщинам?

— Юридическое образование не нужно.

— Я утрировал.

— Я понял.

Корсаков открыл папку. Достал один лист.

— Я начал думать об этом еще три дня назад.

Елисеев посмотрел на него долго. Очень долго.

— Значит, ты решил, что имеешь право думать о моей дочери в таком ключе без моего приказа.

— Я решил, что обязан просчитать все, пока вы заняты клиникой.

— Самонадеянно.

— Да.

— Полезно.

— Тоже да.

Лист лег на стеклянный столик между креслами.

Елисеев не взял его сразу.

— Ты слишком уверен в своей идее.

— Нет. Я слишком хорошо понимаю масштаб риска.

— И кто там у тебя?

— Пока только гипотеза.

— Фамилия.

— Осколков.

Елисеев нахмурился.

— Не помню.

— И не должны. Он не из нынешней повестки. Пятнадцать лет назад был заметной фигурой. Потом исчез.

— Откуда?

— Север. Потом Москва. Бизнес. Несколько очень удачных сделок. Потом личная трагедия. Автокатастрофа. Погибли жена и маленький сын. После этого он фактически ушел из публичной жизни.

Елисеев взял лист. Пробежал глазами.

— И теперь?

— Биологическая станция на северном острове. Работа по популяции краснозобых казарок.

Елисеев медленно поднял глаза.

— Ты издеваешься?

— Нет.

— Бывший бизнесмен. Биолог. На острове. С казарками.

— Да.

— И ты всерьез принес мне это.

— Да.

Елисеев снова посмотрел в лист. Там было немного. Фото. Краткая справка. Сухие факты. Человек с прямым взглядом. Без улыбки. Ветровка. Северный свет за спиной. Ни одной детали, которая просила бы доверия. И все же в лице была одна странная вещь. Не мягкость. Нет. Скорее отсутствие жадности.

— Почему он?

— Он далеко. Вне круга. Не нуждается в ваших деньгах. По косвенным признакам собственные средства у него остались. Он не строит карьеру и не ищет связей. Не появляется в обществе. Не даст повода для сплетен. И главное — у него был собственный удар такой силы, после которого люди обычно перестают лезть в чужую боль с корыстью.

Елисеев положил лист на колени.

— Или становятся чудовищами.

— Такое тоже бывает.

— Ты проверял?

— Настолько, насколько это возможно без прямого контакта. Никаких скандалов. Никаких исков. Никаких женщин вокруг имени за последние годы. Он живет на станции почти один. Сезонные поставки. Спутниковая связь. Отчеты по работе. Больше ничего.

Елисеев смотрел на фотографию.

— Почти один, — повторил он. — Звучит как приговор, а не рекомендация.

— Для обычной жизни — да. Для нашего случая — скорее преимущество.

— Ты хочешь, чтобы моя дочь заключила брак с человеком, который забыл, как жить среди людей.

— Я хочу, чтобы ваша дочь пережила опасный период без стаи желающих помочь ей распорядиться состоянием.

Снова тишина. Она уже не казалась пустой. Теперь в ней шла работа. Тяжелая. Грубая. Почти постыдная. Елисеев провел большим пальцем по краю бумаги.

— А если он откажется?

— Скорее всего, откажется.

— Прекрасно.

— Но ему можно объяснить ситуацию.

— С какой стати он должен в нее входить?

— С той, что он поймет. Не головой. Личным опытом.

Елисеев медленно кивнул. Раз. Еще раз.

— А если согласится? Что дальше?

Корсаков уже ждал этот вопрос.

— Контракт. Жесткий. С четкими сроками. Раздельное проживание. Ежедневная видеосвязь для правдоподобия. Публично — уважительный союз. Юридически — защита интересов Алисы. Финансово — никаких прямых прав на активы. Все прописывается, ограничивается и контролируется.

— И ты думаешь, это не будет выглядеть унизительно?

— Будет. В первый момент.

— А потом?

— Потом все зависит от того, как это подать. И кто окажется второй стороной.

Елисеев встал. Подошел к встроенному шкафу. Открыл. Достал оттуда маленькую фото-рамку. Не ту, что стояла на столе. Другую. Старая привычка. Личные вещи он держал убранными.

На фото Алисе было лет десять. Она сидела на пони в смешном шлеме. Волосы выбились из-под ремешка. Улыбка была такая, будто мир принадлежал ей без остатка.

Он смотрел на снимок долго.

— Я говорил ей, — произнес он тихо, — что труден только первый шаг. Даже после аварии говорил. Как идиот. Не понимал, что для нее это может звучать как издевка.

Корсаков не шевельнулся.

— А она кивала. И потом еще меня утешала. Представляешь?

— Представляю.

— Нет. Не представляешь. Она всегда так. Сначала вытащит за шиворот тебя. Потом себя. И только потом, может быть, ночью позволит себе поплакать. Если никто не видит.

Он поставил рамку обратно.

— Я не хочу ломать ей жизнь своей операцией.

— Вы и не ломаете. Вы пытаетесь ее обезопасить.

— Через ложь.

— Через временную форму.

— Ты сегодня особенно невыносим.

— Это взаимно.

Елисеев неожиданно усмехнулся. Коротко. Почти беззвучно.

— Значит, еще живой.

— Безусловно.

Молчание снова стало иным. Чуть легче. Не добрым, но человеческим.

Корсаков понял, что сопротивление дало трещину. Не согласие. Пока только трещину.

— Я не приму решение сейчас, — отмахнулся Елисеев.

— Я и не прошу.

— Врешь. Именно этого ты и добиваешься.

— Я добиваюсь, чтобы вы не оттолкнули вариант просто потому, что он неприятный.

Елисеев вернулся к креслу. Сел. Взял лист снова. Теперь читал внимательнее. Каждую строку. Человек по имени Павел Осколков смотрел с фотографии почти равнодушно. Но Елисеев слишком хорошо знал лица людей, переживших удар. Такое спокойствие было не покоем. Заморозкой.

— Пять лет на острове, — сказал он. — Без попыток вернуться.

— Да.

— Значит, либо сломан. Либо сознательно ушел.

— Скорее второе.

— И ты считаешь это достоинством?

— Я считаю это знаком, что он не склонен лезть туда, куда не надо.

Елисеев положил лист на стол.

— А Алиса? Ты вообще представляешь, как она отреагирует?

— Сначала плохо.

— Замечательный прогноз.

— Потом сядет, подумает и спросит, почему именно он.

— И что я ей отвечу?

— Правду. Насколько возможно.

— Ты удивительно много требуешь от правды в истории про фиктивный брак.

— Именно потому, что брак фиктивный, в остальном лучше не врать. Елисей посмотрел на него. Потом очень устало потер переносицу.

— Знаешь, что хуже всего?

— Что?

— Что я уже мысленно примеряю эту дрянь на свою жизнь.

— Это не дрянь. Это инструмент.

— Для тебя все инструмент.

— Для меня — да. Для вас — нет. Поэтому решение будете принимать вы.

Елисей перевел взгляд на окно. На воду, серое небо, собственное отражение.

Он вдруг ясно увидел, как все это будет. Разговор с дочерью. Ее прямая спина, молчание. Потом вопрос. Не крик и слезы. Вопрос, после которого ему станет стыдно так, как не было стыдно ни на одних переговорах за всю жизнь.

И все же другой картины он тоже не мог не видеть. Алиса одна. После его смерти. Вежливые лица. Бережные интонации. Чужие руки на спинке ее коляски. Чужие советы. Чужое желание “помочь”. И под этим — расчет.

Нет.

Так было хуже. Гораздо хуже.

— Допустим, — ответил он глухо. — Я готов рассмотреть. Не согласиться. Рассмотреть. Что потом?

Корсаков ответил сразу. Он ждал именно этой формулировки.

— Сначала я доберу информацию. Потом организую защищенную видеосвязь. Без посредников. Вы поговорите с ним сами.

— Я? Не юрист?

— Сначала вы. Это разговор не про бумагу. О человеке.

— А если он решит, что я сошел с ума?

— Значит, решит. Это его право.

— А если пошлет меня к черту?

— Тогда будем искать другого.

Елисей медленно кивнул. Он смотрел уже не на Корсакова. На лист и имя. Северный остров. На человека, который жил среди ветра и птиц. Не подозревал, что в петербургском кабинете его жизнь тихо подтягивали к чужой судьбе.

— Боже, до чего мы дошли, — бурно выдохнул Елисей.

— До плохой ситуации.

— Нет. До того, что я всерьез думаю, не женить ли собственную дочь ради ее безопасности.

— Ради ее будущего.

— Это одно и то же только для таких, как ты.

— Возможно.

Елисей поднял голову. Лицо снова стало жестким. Рабочим. Почти прежним. Только глаза остались отцовскими.

— Допустим. А что потом?

Корсаков чуть наклонил голову.

— Это брак по договору. Все договоры могут быть заключены. И могут быть расторгнуты. Будем работать.

Елисей кивнул. Нахмурился. На секунду стал похож на человека, который принял не решение, а удар.

Потом произнес:

— И подыскивать кандидатуру. Мало ли. На всякий случай. О, Господи!

ГЛАВА 2. ДОЧЬ, РАДИ КОТОРОЙ ОН БОИТСЯ

У Алисы утро начиналось как обычно. Стихийно. Без нытья и жалости к себе.

С жалостью вообще было плохо. Она не приживалась. Слишком тесно ей было рядом с Алисой Елисейевой. Там и без нее все было занято. Дела. Люди. письма. Звонки. Беды, в основном чужие. Планы. Таблицы. Собаки. Книги. Смешные носки. Дурацкие песни, которые намертво липли к тебе, потом звучали в голове в самый неподходящий момент.

Вот и сейчас она въехала в кабинет под собственное тихое напевание. Что-то летнее. Легкое. Совершенно не к месту для серьезного офисного утра.

Коляска мягко шла по гладкому полу. Почти бесшумно. Алиса любила этот звук. Вернее, его отсутствие. Никакого скрипа. Жалкого дребезжания. Ее машина была умной, быстрой и красивой. Матово-графитовая рама. Узкий контур. Точная электроника. Подъем сиденья. Память положений. Легкий наклон корпуса. Управление, на которое она давно перестала обращать внимание. Так здоровый человек не думает о собственных ногах.

Она иногда так и говорила: — Ноги у меня теперь швейцарские. Дорогие. Молчаливые. Характерные.

Маргарита Сергеевна от этих шуток каждый раз вздыхала. Но уже не так тяжело, как раньше. Раньше она сразу плакала. Потом научилась сдерживаться. Вот это – молодец!

Кабинет Алисы всегда был светлым. Живым. Без музейной стерильности, которой грешили дорогие офисы. На подоконнике теснились горшки с зеленью. На стене висели две графические работы. Стеллаж украшали альбомы по искусству, каталоги выставок, папки фонда, коробки с образцами бумаги для благотворительного аукциона. У окна небрежно лежал яркий плед. Диван захватил плюшевый пес с одним ухом. Его привезли из приюта на детскую ярмарку. Потом забыли. Алиса объявила, что пес остается у нее на должности специалиста по моральной поддержке. Не дай бог что, без поддержки-то.

На большом экране уже горела таблица с заявками.

Алиса подъехала ближе. Одним движением подняла сиденье. Дотянулась до верхней полки. Достала папку. Бросила на стол. Тут же скосила глаза на время.

— Отлично. Я опоздала всего на три минуты. Почти пунктуальность. Для творческого человека просто подвиг.

Сдула волосы со лба. Открыла планшет. Проверила почту. Список расходов по трем приютам. Потом письмо от девушки из Выборга, которая просила помочь с операцией старой овчарке. Следом фотографии щенков. Один был косоглазый. Совсем нелепый. Алиса смотрела на него секунд десять, потом сдалась и улыбнулась.

— Все. Этот меня купил. Маргоша, если вы опять скажете, что у меня дома не филиал ковчега, я не поверю.

— Я еще ничего не сказала, — отозвались от двери.

Маргарита Сергеевна вошла с подносом. Чай. Тосты. Йогурт. И тот особенный строгий вид, с которым она сражалась за Алисины завтраки уже много лет.

— Но уже подумали, — невинно закончила Алиса. И вздернула курносый нос.

— Разумеется. Я женщина дисциплинированная. Сначала думаю. Потом ужасаюсь.

— Люблю в вас эту последовательность.

Маргарита поставила поднос на край стола. Окинула Алису внимательным взглядом. Проверила, не бледная ли. Не делала ли опять вид, будто может жить на одном чае и вдохновении.

— Тост съешьте.

— Маргарита Сергеевна, я взрослая.

— Это я уже слышала. Обычно после этой фразы начинается мелкое хулиганство. Алиса рассмеялась. Улыбка у нее была не кукольная. Веселая. Из-за нее лицо сразу становилось нежнее. Почти озорным.

— Вы несправедливы. Сегодня я собиралась быть образцом благоразумия.

— Тогда начните с йогурта.

— Как суров путь к святости!

Она взяла ложку. Послушно съела целых две. Маргарита Сергеевна кивнула с таким видом, будто выиграла маленькую, но принципиальную войну.

С Алисы нельзя было спускать глаз. Не потому, что та была беспомощной. Наоборот. Потому, что слишком привыкла жить через силу. Легко говорила: «потом». Потом отдых. Потом обед. Потом боль. Потом врач. Все потом. Сначала кто-то. Тому, кому хуже.

Маргарита Сергеевна села на диван.

— Владимир Миронович уже у себя?

— С восьми, — ответила Алиса. — Значит, либо в мире снова конец света, либо он решил победить его до обеда.

— Не шутите так.

— Я иначе не умею.

Это прозвучало легко. Но Маргарита Сергеевна знала цену этой легкости.

Алиса наклонилась к экрану. Быстро пробежала глазами сводку. Потом открыла видеосвязь с приютом. На экране появилась Нина Валерьевна Соколова. Уставшая. В фартуке. Со следом кошачьих суровых когтей на руке.

— Алиса Владимировна, доброе утро.

— Нина Валерьевна, вы прекрасны. Но, судя по рукаву, вас уже пытались убить.

— Это Матильда. Она против обработки ушей.

— Уважаю принципиальных женщин. Показывайте фронт бедствия.

Камера дернулась. На экране мелькнул коридор приюта. Клетки. Переноски. Миски. Одежда. Появился рыжий пес с забинтованной лапой. Потом две кошки. Следом тот самый косоглазый щенок.

Алиса вздохнула.

— Ну все. Я пропала.

— Я так и поняла, — сдержанно высказалась Нина Валерьевна. — Поэтому и показала его последним.

— Очень нечестная манипуляция.

— Это опыт.

Они заговорили о лекарствах, корме, передержке и деньгах. Быстро. По делу. Алиса ничего не записывала. Все держала в голове и на экране. Она задавала точные вопросы. Сразу урезала лишнее. Тут же искала выход. Где взять скидку. Кого подключить. Как оформить срочный сбор не как крик, а как внятную просьбу.

— Хорошо, — продолжила она. — Операцию овчарке оплачиваем полностью. По щенку делаем отдельный пост. Но без давления на жалость. Никаких «посмотрите в эти глаза». Я вас умоляю. Он и так победит без дешевых приемов.

— Согласна.

— По корму я сегодня дожду двух спонсоров. Будут строить из себя трудных людей, пришлю им фотографии Матильды. Пусть боятся.

Нина Валерьевна впервые за разговор улыбнулась.

— Алиса Владимировна, вы невозможны.

— Это мое лучшее качество.

Маргарита Сергеевна слушала и молчала. Вот именно такой Алисой она больше всего гордилась. Не терпеливой. И не «бедной девочкой, которая молодец». Нет. Вот этой. Быстрой. Умной. Веселой. Полезной.

После звонка Алиса тут же открыла второе окно. Потом третье. Написала кому-то из галереи. Следом кому-то из поставщиков. Дизайнеру афиши благотворительного вечера. Мужчине с тяжелой фамилией и легким равнодушием к чужим проблемам. Ему она написала особенно сухо: «Доброе утро. Напоминаю, что обещание помочь приюту не относится к жанру декоративной речи. Жду перевод до трех».

— Вы иногда пугаете людей, — заметила Маргарита Сергеевна.

— Неправда. Я их только слегка встряхиваю.

— Это и пугает.

Алиса хмыкнула. Вдруг поморщилась. Едва заметно. Сжала зубы. Рука на секунду легла на подлокотник. Маргарита Сергеевна сразу насторожилась.

— Что?

— Ничего.

— Алиса.

— Маргарита Сергеевна, вы же знаете. Когда вы так говорите, мне сразу хочется солгать убедительнее.

— Болит?

Алиса выдохнула.

— Немного спина. Пустяки.

— Таблетки пили?

— Еще нет.

— Почему?

— Потому что в девять двадцать у меня важный разговор про собаку, в девять сорок встреча с дизайнером, в десять звонок в фонд, в десять тридцать...

— Алиса.

— Да поняла я, поняла.

Она открыла ящик. Достала блистер. Запила водой. Маргарита Сергеевна внимательно дожидалась, пока таблетка исчезнет.

— Вы смотрите на меня, как на человека, способного спрятать лекарство под язык и выплюнуть за углом.

— Вы бы смогли.

— Несомненно.

Обе синхронно улыбнулись.

Так и жили.

На упрямстве. На юморе. Помня о том, как было страшно раньше. И что нельзя позволить страху вернуться в дом на правах хозяина.

В десять часов пришла девочка из фонда. Совсем молодая. Растерянная. С ноутбуком, папкой и видом человека, который уже заранее просит прощения за собственное существование.

Алиса посмотрела на нее и сразу смягчилась.

— Спокойно, Настя. У нас тут не допрос. Просто утро. К тому же я уже позавтракала. Значит, никому ничего не грозит. Я сегодня не буду есть человек. Правда-правда.

Девочка нервно захихикала.

Они обсуждали программу вечера. Лоты. Список гостей. Партнеров. Алиса за десять минут увидела все слабые места. Где скучно или длинно. Слишком жалобно или не хватает света.

— Не надо просить людей прийти «спасти несчастных животных», — обозначала она. — Это плохой язык. И для людей, и для животных. Надо звать туда, где можно сделать что-то хорошее без ощущения, что тебя шантажируют чужой болью.

— А как лучше?

— Лучше честно. Вечер помощи. Конкретные истории. Результат. И без погорелого театра.

— Поняла.

— Еще уберите слово «трогательный». Оно убивает все живое.

Маргарита Сергеевна в этот момент уже не сдерживалась и улыбалась открыто. Алиса всегда работала именно так. Не снисходительно. Быстро и точно. Как снайпер.

Настя ушла, в кабинете на минуту стало тихо. Настоящая тишина. Та, в которой слышно не технику. А собственную усталость.

Алиса откатилась от стола. Подъехала к окну. Нажала кнопку. Сиденье приподнялось еще немного. Так было удобнее смотреть на воду. Внизу блестела Нева.

День обещал быть светлым. С ветром. По реке шли катера. Город отсюда казался почти чистым. Будто в нем не бывало боли, глупости, ответственности за чужую жизнь.

— Опять не отдохнули, — тихо упрекнула Маргарита Сергеевна.

— Скоро.

— Вы всегда так говорите.

— Красивая ложь.

— Не смешная.

Алиса наклонила голову. Потом вдруг сказала совсем другим голосом. Без шутки:

— Если я остановлюсь, мне станет страшно. Не хочу. И не буду.

Маргарита Сергеевна замерла. Вот оно. Редкие секунды, когда Алиса позволяла себе говорить как есть. Правду, без легкости.

— Поэтому я и не останавливаюсь, — резко закончила она.

Маргарита Сергеевна встала. Подошла сзади. Осторожно коснулась ее плеча.

— Дорогая моя.

— Вот не надо, — сразу предупредила Алиса. — А то я опять стану приличной и начну вести себя мудро.

— Хорошо. Не буду.

— Вот и славно.

Она посмотрела сквозь стекло. Увидела там свое отражение. Светлая блузка. Серьги. Волосы, которые опять выбились. Упрямый подбородок. Живые глаза.

И внутри, как всегда, тихо поднялось то самое. Обычная мантра выживания. Я не сдамся. Этому не бывать. Я — Елисеева. Мы не сдаемся. Мы ведем других за собой. Страха не существует.

Формула давно жила в ней. Иногда превращалась в слова. Иногда - нет.

Она резко крутанула коляску. Отъехала от окна.

— Все. Хватит лирики. Поехали дальше. Иначе я и правда начну чувствовать себя человеком, которому нужен покой.

— А он вам нужен.

— Маргарита Сергеевна. Вы опять на стороне скучного здравого смысла.

— Всегда.

— Как это грустно. И не интересно.

В дверь постучали. Секретарь заглянула осторожно.

— Алиса Владимировна, ваш отец просил передать, что до двенадцати его не беспокоить.

Алиса удивленно подняла брови.

— Даже так.

— Да.

— Он один?

— Нет. С Андреем Николаевичем и Львом Аркадьевичем.

Секретарь вышла. Маргарита Сергеевна уже смотрела на Алису слишком внимательно.

— Что?

— Ничего хорошего, — невесело ответила на взгляд Алиса.

— Почему сразу так?

— Потому что мой отец не запирается с заместителем и юристом посреди дня ради приятных сюрпризов. Он человек старой школы. Даже катастрофы организованные.

Маргарита Сергеевна вздохнула.

— Может, дело в операции.

— Может.

Но Алиса уже почувствовала другое. Легкий толчок тревоги. Как бывает перед грозой. В комнате еще светло, а воздух уже изменился.

Она подъехала к столу. Открыла календарь. Потом закрыла. Проверила телефон. Ни одного сообщения от отца. Странно. Он всегда писал, если что-то менялось. Даже коротко.

— Он плохо спал, — заметила Маргарита Сергеевна.

— Я знаю.

— И волнуется.

— И это знаю.

Алиса посмотрела на чашку. Чай давно остыл. Она взяла ее в руки. Не отпила.

— Знаете, что обидно?

— Что?

— Что он до сих пор считает, будто меня можно защитить. Просто убрав повыше. Как вазу. Что-то красивое и хрупкое.

— Он так не считает.

— Считает. Не всегда. Но бывает.

Поставила чашку обратно.

— Ужасно несправедливо. Я вообще-то не ваза. Скорее боевая табуретка, на колесах.

Маргарита Сергеевна фыркнула. Не выдержала.

— Алиса.

— А что? По-моему, прекрасный образ.

— Ужасный.

— Точный.

Они снова засмеялись. Тревога не ушла. Лишь отступила на шаг.

В двенадцать пятнадцать Алиса уже сама не выдержала. Слишком долго. Она подъехала к двери, потом передумала. Вернулась. Остановилась у зеркальной панели. Подкрасила губы. Сказала своему отражению:

— Так. Если там финансовый апокалипсис, мы его переживем. Если очередная папина идея, сначала не убиваем. Слушаем. Делаем вид, что повинемся.

Потом рванула по коридору.

Маргарита Сергеевна едва успела подняться.

— Алиса, медленнее!

— Поздно!

Коляска шла быстро. Очень. Служащие на поворотах отступали с таким выражением лиц, будто по этажу мчалось маленькое и очень решительное торнадо.

Алиса любила скорость. Не для эффекта. Ради чувства движения. Тогда тело не казалось ей клеткой. Лишний раз доказывая миру простую вещь: она не застряла.

У приемной отца она притормозила. Дверь была закрыта. За матовым стеклом двигались тени.

Она не стала входить. Стучать. Подъехала ближе. Настолько, чтобы офис-менеджер вскинулась и сразу виновато улыбнулась.

— Алиса Владимировна, Владимир Миронович просил...

— Не беспокоить. Я в курсе. Уточняю масштаб бедствия.

— Никакого бедствия.

— Тогда почему у вас лицо человека, который уже мысленно пишет завещание?

Офис-менеджер смешалась. Алиса тут же смягчилась.

— Простите. От любопытства зверею. Все нормально?

— Да. Наверное.

— «Наверное» — плохое слово. Не конкретное.

Офис-менеджер растерянно моргнула. Дверь в кабинет не открывалась. Тишина по ту сторону стояла такая, что Алиса почти слышала ее кожей. А потом она увидела.

На боковом столике у офис-менеджера лежала тонкая папка. Белая. С клинкой. И еще одна. Темная. Без логотипов. С мужской фотографией, частично прикрытой блокнотом.

Алиса не успела разглядеть лицо. Только край снимка. Плечо в ветровке. Серый фон. И чужую, не офисную жизнь. Что-то внутри щелкнуло. Она не сразу поняла, что именно. Но уже точно знала, речь шла не только об операции.

— Маргарита Сергеевна, — попросила она очень тихо, не оборачиваясь.

Та уже подбежала следом. Запыхалась. Но виду не подавала.

— Да?

— Папа опять что-то придумал.

— Алиса...

— Нет. Я чувствую.

Она еще секунду смотрела на закрытую дверь. Потом развернула коляску. Уже без прежней прыти. Лицо нее оставалось спокойным. Даже светлым. Но в глазах появилась знакомая жесткость, которую Маргарита Сергеевна знала с самых тяжелых времен. Алиса включала ее редко. Только когда понимала, что сейчас кто-то снова попытается решить за нее. Что для нее лучше.

Она поехала обратно в свой кабинет. Не торопясь. Почти величественно. Не убегала от ответа. А давала ему последнюю возможность прийти к ней самому. У двери она остановилась. Взялась за джойстик чуть крепче. Горько усмехнулась. Скрипуче сказала:

— Папа опять что-то решил. Без меня.

Глава 3. КАНДИДАТУРА

К полудню в кабинет Владимира Мироновича стало еще тише. Та тишина, что была утром, держалась на страхе.

Теперь прослеживалась деятельность. Активная. На длинном столе лежали три папки.

Светлая — из швейцарской клиники. Серая — с внутренними справками службы безопасности.

Темно-синяя — без маркировки. Именно она сейчас интересовала собравшихся сильнее остальных. Корсаков сидел выпрямившись. Лев Аркадьевич Мессер — тоже.

Юрист вообще умел сидеть так, будто его позвоночник был отдельной формой закона. Узкое сухое лицо. Чистые очки. Руки сложены безукоризненно. Ни одного лишнего движения. Даже галстук у него выглядел как документ, который невозможно оспорить.

Елисеев не садился. Он стоял у экрана. Пульт лежал в ладони. На стене - замерший кадр. Берег. Камень. Низкое небо. Человек в темной ветровке идет по настилу к серому строению.. Со спины. Лица не видно.

— Это он? — спросил Елисеев.

— Да, — ответил Корсаков.

— Картинка так себе.

— Другой нет. Он не любит камер.

— Я уже начинаю восхищаться. Не человеком. Уровнем неудобства.

Мессер не улыбнулся. Корсаков тоже. Не тот день. Елисеев нажал кнопку. Видео двинулось. Ветер трепал камеру. Звук шел с помехами. Где-то очень далеко кричали птицы. Человек на экране остановился, поднял бинокль. Несколько секунд смотрел в сторону воды. Потом пошел дальше.

— Все? — переспросил Елисеев.

— Еще сорок секунд, — уточнил Корсаков.

— Я имел в виду смысловую часть.

— В ней тоже примерно столько же.

Видео закончилось. На экране снова застыл серый пейзаж. Елисеев выключил проектор. Кабинет сразу стал плотнее.

— Итак, — подвел он итог. — Давайте еще раз. Без романтики про северных отшельников и управленческого восторга. Кто такой Павел Осколков?

Корсаков открыл папку.

— Тридцать пять лет. Высшее биологическое образование получено раньше, чем он ушел в бизнес. Потом второе — экономическое. Основатель и совладелец двух заметных проектов в логистике и переработке. Продал доли до пика стоимости. Несколько лет был в верхнем сегменте деловой повестки. Потом исчез.

— После аварии, — кивнул Елисеев.

— Да.

Мессер подал голос впервые за последние минуты.

— Жена и сын погибли на месте. Сам он был за рулем. Формально состава его вины не установили. Экспертиза не нашла нарушений. Но, судя по косвенным данным, он вины с себя не снял.

Елисеев прошел к столу. Сел осторожно. Не хотел, чтобы двое напротив заметили, как резкое движение опять отозвалось болью.

— А дальше?

Корсаков перевернул страницу.

— Дальше несколько месяцев полной тишины. Потом закрытие части публичных счетов. Уход из большинства контактов. Передача значительной суммы на строительство храмового комплекса в городке, рядом с которым произошла авария. Это подтверждено частично. Официально — через фонд. Неофициально — почти наверняка его деньги.

— Показательно.

— Да.

— Покаянно.

— Тоже да.

— Продолжайте.

— Затем несколько лет перемещений. Карелия. Архангельская область. Полевая работа. Частные гранты. Консультации. Потом закрепление на станции. Сначала как участник проекта. Позже как фактический единственный постоянный специалист.

Елисеев скосил взгляд на Мессера.

— Юридически что у него?

— Чисто, — ответил тот. — Никаких свежих исков. Долгов, способных сделать его зависимым, нет. Судебной активности почти нет. Имущественная структура не демонстративная. Часть активов закрыта через инструменты, которые указывают не на бедность, а на желание исчезнуть.

— То есть без денег он не остался.

— Именно.

— Это плюс.

— Существенный, — сухо подтвердил Мессер. — Нуждающийся мужчина в таком проекте хуже авантюриста. Авантюрист хотя бы игру любит. Нуждающийся любит только способ выхода из своей проблемы.

Елисеев коротко кивнул. Формулировка ему понравилась. Мессер был неприятным человеком только для тех, кто ждал от него человеческого. Для работы он был почти безупречен.

— Женщины? — уточнил Елисеев.

Корсаков перелистнул еще лист.

— Официально — ничего. Неофициально — тоже почти ничего. За последние годы вокруг его имени нет постоянной спутницы. Нет брачных попыток. Нет историй с наследством, содержанием, шумными отношениями. Даже светских слухов нет.

— Что для мужчины с деньгами нетипично, — заметил Мессер.

— Для обычного мужчины — да, — ответил Корсаков. — Для человека, который решил скрыться из жизни общества, вполне типично.

Елисеев откинулся на спинку кресла. Неудачно. Почти сразу подался вперед.

— Слишком гладко, — протянул он.

— Что именно? — переспросил Корсаков.

— Все. Потерял семью. Ушел на край света. Не охотится за деньгами. Не лезет в свет. Работает с редкими птицами. Это не кандидат. А плохо написанный персонаж для хороших людей.

Мессер перевел взгляд на Корсакова. Тот выдержал.

— Возможно, — ответил он. — Но информация полная. И подтвержденная.

— А если он психически сломан?

— Тогда это проявится в разговоре, — пожал плечами Мессер. — И мы закроем вопрос. Но нигде никаких подтверждений нарушения психического здоровья не упоминается. Север. Были бы сигналы.

— А если он просто мастер маскировки?

— Тогда он слишком умен. Не полезет в фиктивный брак с тяжелой конструкцией ограничений, — хмыкнул Корсаков.

Елисеев побарабанил пальцами по столу.

— Меня не устраивает «слишком». Меня вообще не устраивает, что я всерьез это обсуждаю.

Никто не стал ему возражать. Все все понимали. Даже он сам. Но... На столе лежала распечатка с несколькими фотографиями. Одна из них была сделана вблизи. Из какого-то старого интервью, еще до исчезновения. Павел Осколков в рубашке. Без галстука. Молодой. Ясный взгляд. Спокойное лицо человека, который слишком хорошо умеет держать дистанцию.

На следующей фотографии он был уже другим. Север. Щетина. Куртка. Ветер. Под глазами темная усталость, к которой давно привык.

Елисеев задержал взгляд именно на втором снимке.

— Сам себя наказал, — произнес он с сожалением.

— Похоже на то, — подтвердил Корсаков.

— Это меня не успокаивает.

— И не должно.

Елисеев подался вперед.

— Тогда скажите мне наконец, что в нем хорошего. По-человечески. Не по анкете.

Корсаков молчал секунду дольше обычного.

— Он не хищник.

— Откуда такая уверенность?

— Хищники не исчезают. Они меняют охотничьи угодья. А этот исчез.

— Может, просто устал.

— Может. Но не пришел к вам или еще кому-нибудь. Не искал повода вернуться. Снова встроиться туда, где деньги делают все проще. Это о чем-то говорит.

Мессер поправил очки.

— Я бы добавил. Он человек режима. Видно даже по косвенным следам. Сроки отчетности не срывает. Контракты на поставки подписывает четко. Ответы по работе короткие, но своевременные. С инфраструктурой станции возится так, будто от нее зависит его личная честь.

— А зависит? — спросил Елисеев.

— Похоже, что да.

В кабинете повисла пауза. Елисеев посмотрел в окно. Солнце так и не вышло по-настоящему. На воде лежал спокойный тусклый свет. Город жил своей обычной жизнью. Люди шли на встречи, обедали, ругались, смеялись, покупали кофе, назначали свидания. И никто из них не думал о том, что в дорогом кабинете три взрослых человека обсуждают кандидатуру мужа для дочери как антикризисную меру.

От этой мысли становилось тошно. Он перевел взгляд обратно на фотографии.

— Алиса его испугается, — нехотя буркнул он.

— Не думаю, — парировал Корсаков.

— Почему?

— Она людей читает иначе.

Елисеев хмыкнул.

— Да. Это как раз меня и тревожит. Она может увидеть в нем то, что я бы предпочел оставить за кадром.

Мессер сложил ладони чуть плотнее.

— Вопрос не в том, понравится ли он ей, — сказал юрист. — Вопрос в том, способен ли он выдержать предложенную форму. Контракт. Дистанцию. Ограничения. Запрет на доступ к активам. Запрет на представительство без доверенности. Раздельный имущественный режим. Жесткая процедура расторжения. Если его это не оскорбит до отказа, уже будет неплохо.

— А должно оскорбить? — удивленно поднял бровь Елисеев.

— Нормального, среднестатистического мужчину — да. В разумных пределах.

— Прекрасно. Значит, нам нужен оскорбленный, но вменяемый.

— Почти так, — подтвердил Мессер.

Корсаков открыл ноутбук.

— Есть еще материалы по станции. Отчеты, переписка по гранту, короткое служебное интервью двухлетней давности.

— Включайте, — сказал Елисеев.

На экране появился рабочий документ. С цифрами. Метками. Погодой. Наблюдениями. Никакой лирики и самолюбования. Даты. Время. Координаты. Число замеченных птиц. Погодные условия. Замечания по кормовой зоне. Поломка датчика. Замена кабеля. Риск по гнездованию. Рекомендации по ограничению доступа в сезон.

Елисеев пробежал глазами две страницы.

— Он пишет, как инженер.

— Да, — сказал Корсаков. — Не как человек, ушедший в красивые страдания.

— Это хорошо.

— Очень хорошо.

Мессер негромко кашлянул.

— Обратите внимание на почерк работы. Он не бросил мир. Сократил его до объема, который может держать без разрушения. Под контролем.

Елисеев медленно поднял взгляд.

— Хорошая формулировка.

— Спасибо.

— Не хвалю. Констатирую.

Юрист принял как должное. Корсаков переключил слайд. Появилось короткое видео. Уже лучшее по качеству. Павел стоял у стола на станции и что-то объяснял двум молодым сотрудникам из сезонной группы. Голос шел негромко. Без привычки командовать ради удовольствия.

— Не ближе, — говорил он. — Если поднимете стаю сейчас, потом потеряете кладку, а не кадр. Вы приехали не за красивой съемкой. Вы приехали не мешать.

Один из молодых что-то возразил. Павел ответил не сразу. Только посмотрел. И этого хватило.

— Я понял, — быстро смутился парень.

Видео оборвалось. Елисеев задумчиво постучал по столу.

— Умеет ставить границы.

— Да, — ответил Корсаков.

— Без крика.

— Да.

— И его слушают.

— Да.

— Это опасно.

Корсаков не сразу понял.

— Почему?

Елисеев усмехнулся без радости.

— Потому что такие мужчины производят впечатление на умных женщин куда быстрее болтунов.

Никто не ответил. Слишком личная реплика. Опасная. Он сам это понял и тут же вернулся к сухому тону:

— Ладно. Дальше.

Корсаков вывел на экран карту острова. Небольшой участок суши. Биостанция. Два модуля. Причал. Вертолетная площадка аварийного назначения. Метеоточка. Склад. Отмеченные зоны наблюдения.

— Станция фактически автономна, — рассказывал он. — Летом снабжение регулярнее. Осенью и зимой сложнее. Постоянного штата нет. Он там либо один, либо с сезонными помощниками.

— То есть если формально брак состоится, физически он не окажется возле Алисы.

— Именно, — согласился Корсаков. — Для нашей задачи, преимущество.

— Для человеческой жизни — сомнительное.

— Да.

Елисеев помолчал. Потом резко перевел взгляд на Мессера.

— Самое неприятное. Скажите честно. Если бы мы действительно пошли в эту сторону, насколько защищен мой ребенок?

Юрист не любил слов «мой ребенок». Особенно в деловых разговорах. Они разрушали сухую архитектуру. Но сегодня даже он не стал морщиться.

— При грамотном контракте — высоко, — четко проговорил Мессер. — Не абсолютно. Абсолютной защиты не существует. Но высоко. Мы пропишем нулевой доступ к активам. Отдельный режим имущества. Запрет на сделки от ее имени. Все, что касается представительства, только по специальным доверенностям и только при вашем отдельном волеизъявлении. В случае смерти — никакого автоматического вхождения в структуру управления. Только строго ограниченные личные права как супруга и то в пределах закона. Которые тоже можно заранее минимизировать через набор решений.

— А в части репутации?

— Репутационно это сложнее. Но и выгоднее. Для внешнего контура замужняя женщина воспринимается иначе. Цинично. Зато правда.

Елисеев скривился.

— Мне сегодня особенно неприятна правда.

— Она полезнее иллюзий, — блеснул очками Мессер.

Снова повисла пауза. Корсаков закрыл ноутбук. Не до конца. Опустил крышку под углом.

— Есть еще устные отзывы, — доложил он.

— От кого?

— От людей, которые пересекались с ним в прежней жизни и в нынешней.

— Начинайте.

— Один бывший партнер сказал: «Не играл в дружбу. Но и не предавал».

Другой: «Обещал, делал. Не хотел, не обещал». Оба люди с репутацией, надежные партнеры.

На станции о нем говорили проще: «С ним трудно только первую неделю. Потом видишь, что на нем все держится».

Елисеев усмехнулся.

— Удивительно. Даже здесь первая неделя.

Он машинально повторил про себя отцовскую фразу, которую столько лет отдавал Алисе как будто в долг. Труден только первый шаг. И сам же от этой мысли ощутил внутренний холод.

Потому что первый шаг сейчас был именно его. Не Алисы. Не Павла. Его.

Признать, что он не всемогущ. Болезнь вытолкнула туда, где нужно не командовать жизнью, а просить у нее отсрочку.

Он открыл синюю папку. Посмотрел на анкету. Сухие строки, даты, фото. Северный адрес. Имя.

Павел Осколков. Фамилия не нравилась ему на слух. Слишком колкая. Уже с изломом внутри. Но человек на фото не выглядел слабым, липким, голодным до чужого.

Уже немало.

— Допустим, — сказал он. — Мы до него дойдем. Что он услышит?

Корсаков ответил сразу.

— Не предложение денег.

— Это понятно.

— Не циничную сделку.

— Еще бы.

— Он услышит правду. Болезнь. Ваш страх за Алису. Временный характер союза. Полное отсутствие имущественного интереса. И ваше желание защитить дочь. Не унизив ее больше, чем сама ситуация.

Елисеев прищурился.

— Последнее я бы не хотел произносить вслух.

— А зря, — неожиданно резко ответил Мессер. — Это как раз то, что отличит вас от человека, который просто покупает удобную форму.

Корсаков посмотрел на юриста с легким удивлением. Елисеев — тоже.

— Вы сегодня почти человечны, Лев Аркадьевич.

— Не злоупотребляйте. Это мешает работе.

Елисеев впервые за весь разговор коротко улыбнулся. Усталой, но живой улыбкой.

Потом снова стал серьезен.

— Меня тревожит другое, — сказал он. — Он может отказаться не потому, что схема дурная. А потому, что увидит в ней слишком много боли. А такие люди бегут именно от чужой боли. Своей им хватает.

— Возможно, — кивнул Корсаков. — Но тогда мы хотя бы поймем, что ошиблись адресом.

— А если не ошиблись?

Корсаков выдержал взгляд.

— Тогда он выслушает.

Елисеев снова посмотрел на экран. На остров, линию берега. Низкое северное небо. Станция, которая казалась одновременно концом мира. И местом, где человек может уцелеть, если не выдерживал людей.

Потом тихо спросил:

— А почему мне кажется, что я тащу в жизнь дочери еще одного раненого?

Никто не ответил сразу. Потому что это походило на правду.

Первым заговорил Мессер:

— Для цельных людей таких задач не существует.

Елисеев опустил взгляд. Фраза попала точно. Он ясно представил Алису. Светлую. Быструю. Упрямую. С ее живым лицом и дурацкими песнями. Как она носится по этажу на своей электронной машине и делает вид, будто вообще не помнит слова «невозможно». И рядом — этого мужчину с острова. Молчаливого, северного, с лицом человека лишился всего. Но устоявшего. Картина была странной. Неправильной. И оттого почему-то более убедительной, чем все остальные.

— Разговор без свидетелей, — решил Елисеев. — Только я и он.

— Разумно, — ответил Корсаков.

— Выведите связь, но сначала отправьте запрос. Без давления и деталей. Просто, мне нужно обсудить с ним частный вопрос.

— Он может не ответить.

— Может.

— Или сбросить.

— Тоже может.

Елисеев встал. На этот раз медленнее. Подошел к окну.

Город внизу жил себе дальше. Люди не знали, что наверху решается такая абсурдная и нежная одновременно вещь.

Он понял, что надежда — не светлое чувство. Иногда она выглядела именно так. Как папка на столе, северный адрес. Мужчина, которого ты не знаешь и которому придется доверить самое дорогое. Только потому, что других вариантов не осталось.

Он повернулся к Корсакову.

— Подготовьте все.

— Да.

— И еще.

— Слушаю.

Елисеев посмотрел на фотографию Павла еще раз. Долго. Почти с враждебной внимательностью. С какой мужчины иногда смотрят на того, кому потенциально могут отдать под защиту самое дорогое. Уже заранее выискивают, за что его возненавидеть.

Он положил ладонь на край стола и тихо сказал:

— Он далеко. Хорошо. Может сработать.

Глава 4. ЧЕЛОВЕК С ОСТРОВА

Остров Вельский не любил лишних.

Ни людей. Ни звуков. Даже движений ради движения. Слов, сказанных просто так. Здесь все быстро теряло красивый вид. Любая поза, притворство, слабая мысль. Ветер обдирал с человека лишнее лучше всякой беды.

Павел Осколков проснулся в пять сорок. Не потому, что надо было. Просыпался так всегда.

Северный свет уже стоял в окне. Летний. Холодный. Неполный. Здесь даже летом не бывало по-настоящему уютного утра. Свет приходил не ласково. Входил и все.

Павел лежал на спине и несколько секунд смотрел в потолок. Потом сел.

Комната была узкая. Чистая. Почти пустая. Кровать. Шкаф. Стол. Настенная полка. Пара книг. Куртка на крючке. Термос. Часы. Никаких фотографий. Ни одной. Когда-то были. Потом он убрал все. Не из жестокости. Из самосохранения. Некоторые вещи нельзя держать перед глазами каждый день, если хочешь продолжать дышать и выполнять простую работу.

Встал. Быстро оделся. Серый свитер. Темные брюки. Носки. Ботинки.

Умылся ледяной водой. Включил чайник. Открыл журнал наблюдений. Проверил записи за вчерашний день. Поставил время. Погоду. Направление ветра. Сделал пометку о замене крепления на северной камере. Отдельно записал, что в третьем секторе нужно снова проверить подход к гнездам. Лисы не было видно три дня. Это не успокаивало. Наоборот.

Чайник шелкнул. Павел насыпал кофе. Черный. Без сахара. На острове все было простым. Настолько, что иногда казалось — если убрать еще одну вещь, жизнь тоже станет проще. Но это было не так. Жизнь не делалась легче от того, что ты жил с кружкой, блокнотом и ветром. Она просто становилась тише. А тишину многие путают с покоем.

Павел давно не путал. Вышел на крыльцо с кружкой в руке.

Воздух был соленый. Сырой. Чистый до жесткости. Камни у берега темнели от ночной влаги. Море лежало почти спокойно. Только у дальнего края шла мелкая рябь. Небо было светлым, но не добрым. Здесь вообще редко бывало доброе небо. Зато честное. Он постоял минуту. Не больше.

Потом спустился по скрипучему настилу к метеомачте. Проверил показатели. Ветер слабый. Давление ровное. Осадки не ожидались. Для людей это значило обычный день. Для птиц — почти подарок.

Станция жила тихо. Жилой модуль. Рабочий блок. Склад. Генераторная. Старый ангар для лодки. Бак с топливом. Две камеры. Антенна. Мачта. Металлический контейнер под инструменты. Все нужное. Ничего лишнего.

Павел обошел периметр по привычке. Не потому, что ждал беды. Привык. Замок. Трос. Крепеж. Дверь на складе. Упор на люке. Вчерашний дождь мог дать перекосяк дереву. Он проверил. Все держалось.

В семь ноль пять он уже шел вдоль восточного склона. Рюкзак за спиной. Бинобль на груди. Планшет в чехле. Тетрадь. Вода. Аптечка. Складной нож. Ничего героического. Обычный набор человека, который давно понял, что в настоящей жизни спасает не смелость. Привычка не забывать нужное.

Тропа шла между камнями, низким мхом и жесткой северной травой. Иногда нога соскользнула. Ветер бил сбоку. Казалось, что остров дышит сам по себе. Сдержанно. Недоверчиво.

Павел поднялся на грядку. Остановился. Глянул в бинобль. Стая была на месте. Не вся. Часть ушла ниже. Но несколько краснозобых казарок держались у кромки. Маленькие. Яркие

на этом северном фоне. Черное. Белое. Рыжее. Как будто кто-то специально сделал птицу слишком красивой для такого сурового края.

Павел не улыбнулся. Но взгляд у него на секунду изменился. С птицами было просто. Они не спрашивали, почему ты молчишь. Не жалели. Не пытались вытащить из тебя прошлое.

Им было все равно, кто ты. Лишь бы не мешал. И не подвел в мелочи, от которой зависел целый выводок. С людьми сложнее. Почти всегда приходилось либо объяснять, либо врать.

Он отметил координаты. Количество. Направление смещения. Сел на корточки у низкого камня. Несколько минут просто смотрел. Ветер трогал край капюшона. Где-то справа кричала чайка. Внизу плескалась вода. Мир жил без всякого интереса к нему. Павла устраивало.

Когда он вернулся к станции, было уже ближе к девяти. На пороге лежал ящик с продуктами. Вчерашняя выгрузка. Консервы. Крупа. Сухое молоко. Бумага. Батарейки. Кофе. Несколько банок корма для пса с материка, который жил у смотрителя маяка на соседнем острове. Иногда поставщики везли заодно. На Севере мелкие просьбы выполнялись лучше, чем в больших городах. Не выполнишь, сам останешься один со своей бедой. Без помощи и плеча.

Павел занес ящик внутрь. Разложил все по местам. Порядок был тем, что не давало ему развалиться. Ложка всегда слева. Нож на втором крючке. Отчеты по датам. Ключ в металлической чашке у двери. Рация заряжена. Номер экстренной связи вбит не только в телефон, но и написан от руки внутри шкафа. ОКР? Возможно. Но так было вернее.

Жизнь однажды выскочила из рук. В таких случаях человек или становился хаотичным навсегда, или начинал держать в узде каждую мелочь. Павел выбрал второе. Однажды понял, что иначе не выживет.

Разогрел кашу. Сел у стола. Ел быстро. Без удовольствия. Организму нужна была еда.

На краю стола лежал старый металлический брелок. Маленький машинный ключ. Уже бесполезный. Он несколько лет назад зачем-то оказался среди вещей. Так и остался. Павел не убирал его. Вещь, которую не хватает сил выкинуть.

Павел закончил завтрак. Встал. Вымыл посуду. Проверил аккумуляторы для полевой камеры. Подключил ноутбук. Открыл сводку по сезону. Ввел новые значения. Потом отправил короткий отчет в институтский центр обработки данных. Стандарт. Без эмоций и лишних комментариев.

В девять сорок три пришел ответ от координатора проекта.

«Получено. По третьему сектору — усилить наблюдение. Возможен заход хищника».

Павел коротко набрал:

«Уже проверяю»

Он не любил длинную переписку. Вообще мало что любил теперь в активной форме. Жизнь на острове давно отучила его от много. Сначала это казалось добровольным изгнанием. Потом режимом. Теперь обычным состоянием.

Первые месяцы после приезда сюда он еще думал о возвращении. Не в город. Нет. Просто в какую-то другую форму. Где можно разговаривать дольше трех минут. Чай пьют не стоя у генератора. Люди узнают тебя не по накладной на топливо.

Потом эти мысли ушли. Не исчезли совсем. Просто выцвели. Как ткань, которую слишком долго держали на ветру. К полудню небо стало выше. Свет — ярче. На воде появились жесткие белые полосы. Ветер усилился. Павел снова вышел в поле. На этот раз дальше. К западному уклону, где гнездование шло хуже и потому требовало больше внимания.

Идти там было неудобно. Камень сыпался. Под ногами попадались влажные участки. Один раз ботинок ушел глубже, чем хотелось. Павел выругался почти беззвучно, по привычке.

У края ложбины он остановился. Присел. Осмотрел следы. Лиса действительно была. Старый след. Не ночной. Но и не такой давний, чтобы забыть. Павел достал планшет. Внес отметку. Еще одну сделал отдельно. Если завтра ветер не сменится, нужно будет ставить дополнительную камеру. Возни много. Толку не всегда. Но лучше возня, чем пропущенная беда.

Он задержался там дольше, чем собирался. Когда шел обратно, солнце уже легло иначе. На севере время летом смазывается. Утро не успевает стать утром, как уже кажется, что день идет на вторую половину. Часы говорят одно. Свет — другое. Тело — третье.

У станции его встретила тишина. Настоящая островная. Не городская, в которой просто мало шума. А та, где мир будто смотрит на тебя издалека и не торопится отвечать.

Павел поднялся по настилу. Открыл дверь. Снял ветровку. Поставил бинокль на место. Налил воды. Выпил сразу полкружки. Потом сел за стол и замер.

Так бывало иногда. Редко. Без предупреждения. Вроде бы обычный день. Работа. Камни. Ветер. Птицы. Отметки. Доска с цифрами. И вдруг внутри открывалась пустота. Не боль даже. Хуже. Как помещение после пожара, где уже не горит, но жить невозможно. И дышать нельзя.

Обычно Павел не позволял себе сидеть так долго. Сегодня позволил, минуту. Две.

На полке над столом стояла коробка с архивом старых полевых карт. Он смотрел на нее и видел совсем другое. Не карты. Ладонь на детском затылке. Светлый смех. Женский голос, который когда-то произносил его имя. Оно означало человека, которого любит.

Павел резко встал. Подошел к окну. Открыл форточку шире. Впустил ветер. Тот прошелся по столу, качнул угол бумаг, тронул занавеску.

— Хватит, — резко сказал вслух.

Не воспоминаниям даже. Себе. Вернулся к работе. Разобрал ящик с кабелями. Заменил крепление. Проверил старую наружную камеру. Пальцы двигались быстро. Уверенно. Он любил вещи, которые можно починить.

С людьми так было нельзя. Не работало.

Иногда летом на станцию приезжали сезонные сотрудники. Молодые. Умные. С горящими глазами. Они сначала смотрели на него с легкой осторожностью. Потом привыкали. Начали ценить простые вещи. Что он не орет. Не суетится. Но и халтуру не пропускает никогда.

В этом году пока никто не приехал. И Павла это устраивало. Ближе к вечеру он вышел к воде.

Сел на старую деревянную скамью у края площадки. Просто потому, что свет стал правильным для наблюдения. Так он сам себе объяснил. На самом деле несколько минут без дела все же были нужны. Море дышало ровно. Ветер шел полосами. Далеко над водой тянулась стая. Низко. Собранно. Павел проводил ее взглядом.

Жить здесь было удобно по одной простой причине. Остров ничего от него не хотел, кроме работы. Ему не нужен был ответ, отчего Павел до сих пор один. И здесь.

В городе такие вопросы звучали даже молча. Здесь — никогда.

Он вернулся внутрь уже в сумеречной белизне, которая на севере летом заменяла вечер. Поставил чайник. Разогрел простую еду. Съел не замечая вкуса. Потом открыл ноутбук, чтобы выгрузить дневные записи в общую базу. Загрузка шла медленно. Спутниковая связь капризничала. Индикатор мигал.

Павел откинулся на спинку стула. На стене над столом висела карта острова. Бумага чуть выцвела по краям. На ней были отмечены точки наблюдения, старые маршруты, опасные зоны после штормов. Все ясно. Все под рукой. Насколько вообще может быть под контролем кусок камня посреди холодной воды.

Он любил эту карту. Не как символ. Как доказательство, что что-то еще можно знать точно.

На экране мигнуло новое окно. Входящий запрос видеосвязи. Номер незнакомый. Канал защищенный. Не служебный центр, поставщики или координатор проекта.

Павел нахмурился. Запрос шел настойчиво. Кто-то точно знал, куда звонит. И с кем хочет связаться.

Он не взял сразу. Сначала проверил идентификатор. Ничего знакомого. Потом посмотрел на время. На иконку приоритета. Высокий уровень шифрования. Городской. Частный. Не полевая история. У него неприятно сжалось внутри. Так сжималось всегда, когда жизнь вдруг пыталась войти без стука. Он слишком долго строил вокруг себя тишину. Слой за слоем. Привычка за привычкой. День за днем.

Люди извне почти никогда не несли ничего хорошего. Или просили. Или вспоминали.

Предлагали вернуться туда, где он уже однажды умер. Просто не до конца.

Запрос мигнул снова. Павел сидел неподвижно. В окно стучал ветер. На плите едва слышно шипела остывающая металлическая поверхность. Где-то снаружи скрипнул настил. Обычный островной звук. А здесь, за экраном, уже ждал кто-то чужой.

Павел вдруг очень ясно вспомнил один давний звонок. Ночной. Резкий. После которого мир раскололся на «до» и «после». Не сам разговор даже. Только ощущение. Телефон в руке. Холод. Непонимание. И тот миг, когда жизнь еще делает вид, будто сейчас можно не брать трубку и все останется как было.

Запрос повторился в третий раз. Павел потянулся к клавиатуре. Не для ответа. Открыл служебную панель. Проверил адрес. Источник шел через Питера.

Петербург.

Он не был там давно. Ровно столько, чтобы перестать чувствовать к городу что-либо, кроме слабого раздражения на самого себя.

Запрос мигнул в четвертый раз. Павел смотрел на экран без всякого выражения. Потом закрыл ноутбук. Как закрывают дверь перед сквозняком.

Вслух сказал:

— Нет.

Глава 5. РАЗГОВОР ПО ВИДЕОСВЯЗИ

На следующее утро Павел не ответил снова. Запрос пришел в семь двадцать.

Потом в девять ноль пять. Следом в одиннадцать сорок. Он видел все три.

Первый раз просто выключил экран.

Второй — даже не открыл ноутбук.

Третий — посмотрел дольше обычного и только сильнее нахмурился.

Петербург не отпускал. Неприятно уже само по себе. Павел не любил, когда прошлое возвращалось в жизнь через технику. Сухие сигналы. Корректные запросы. Через вежливое «нам необходимо обсудить вопрос». Обычно за этим шло что-то такое, после чего становилось ясно, зря вообще отвечал.

К полудню ветер усилился. Над морем легли белые полосы. Павел ушел к западной кромке. Проверил камеру. Увидел свежий след у камней. Вернулся позже, чем собирался. И почти сразу понял, что запросы не прекратились.

На экране ждало новое уведомление. Частный канал. Защищенная связь. Тот же источник. Павел устало провел рукой по лицу. Снял куртку. Поставил чайник. Потом вдруг снова сел к столу и открыл панель данных.

Теперь там было короткое текстовое сообщение. Владимир Миронович Елисеев. Частный разговор. Один раз.

Павел перечитал. Потом еще раз. Фамилия была знакомой. Не лично. По старой деловой памяти. Очень большой человек. Петербург. Деньги. Влияние. Тот сорт людей, которых раньше он видел достаточно, чтобы научиться отличать тяжеловесов от шумных имитаторов.

Елисеев был тяжеловесом. Павел выдохнул. Это уже было хуже, чем просто чья-то назойливая инициатива. Большие люди не пишут «один раз» без причины. Они вообще редко просят. Обычно просто организуют. Чайник шелкнул.

Павел налил кипятка в кружку. Не добавил ни кофе, ни чая. Кипяток. Иногда он лучше помогал думать.

Посмотрел на время. Потом на иконку вызова, которая мигала уже спокойнее. На той стороне тоже понимали, что давить дальше будет ошибкой.

Павел нажал ответ.

Экран включился не сразу. Сначала темная пауза. Потом кабинет. Большой. Светлый. Слишком выверенный, чтобы быть просто дорогим. На заднем плане — вода за стеклом. На переднем — мужчина лет шестидесяти. Лицо усталое. Собранное. Не красавец. Не вальяжный хозяин жизни. Скорее человек, который давно привык платить за контроль слишком высокую цену.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Павел сидел в свитере. Небрить. После ветра. С северным светом за спиной. Елисеев — в темном костюме. За столом. В тишине большого кабинета.

Контраст был почти неприличный. Первым заговорил Елисеев.

— Павел Андреевич.

— Да.

— Спасибо, что ответили.

— Пока не за что.

Елисеев кивнул. Как будто такой тон его устраивал. Или как минимум не удивлял.

— Я просил об одном разговоре. Без посредников. Именно поэтому выхожу сам.

— Я понял.

— Удобно говорить?

Павел посмотрел на пустую стену за экраном. Потом на часы.

— Уже нет. Но раз уж ответил, давайте быстро.

Елисеев чуть сузил глаза. Не от обиды. Скорее отметил про себя: «Да, именно такой».

— Хорошо, — сказал он. — Тогда без вступлений. Мне нужна ваша помощь.

Павел почти усмехнулся.

— Вы ошиблись адресом.

— Не думаю.

— А я думаю. Особенно если вы хотите говорить именно со мной.

— Да.

— Почему?

Елисеев не отвел взгляд.

— Потому что вы человек, который понимает цену личной катастрофы.

Павел замолчал. Внутри коротко и неприятно дернулось.

Вот так.

Без осторожных кругов.

Сразу по живому.

Он уже открыл рот для ответа, но Елисеев продолжил:

— И потому что, по моим сведениям, вы не из тех мужчин, которые бросаются на чужие деньги или чужую слабость.

— Очень лестно. Почти вербовка.

— Почти.

Павел поставил кружку.

— Я вас не знаю.

— Это взаимно.

— И все-таки вы решили, что можете влезть в мою жизнь с разговором о помощи.

— Я решил, что обязан попробовать.

— Почему именно вы?

— Потому что вопрос касается моей дочери.

Это прозвучало иначе. Точнее. Павел чуть откинулся на спинку стула.

— И?

Елисеев сделал короткую паузу.

— Я болен. Через несколько дней мне предстоит операция в Швейцарии. Прогноз у врачей хороший. Но не настолько, чтобы я имел право не думать о худшем.

Павел молчал. Такие вещи не комментируют. Особенно мужчины, которым самим когда-то уже говорили о плохом, спокойными голосами.

— У меня есть дочь, — продолжил Елисеев. — Ей двадцать четыре. Она единственный человек, за которого я по-настоящему боюсь.

Павел посмотрел на него внимательнее.

— И при чем тут я?

— Я хочу, чтобы вы заключили с ней фиктивный брак.

Тишина после этих слов была такой плотной, будто на остров обрушился туман. Павел не сразу понял, что сжал пальцы на краю стола слишком сильно. Потом понял. Выпрямился.

— Что?

— Фиктивный брак. С юридическим оформлением. На определенный срок. Жестким контрактом. Без имущественного интереса для вас. С прописанными границами. И возможностью расторжения.

Павел смотрел на экран не мигая. Потом медленно произнес:

— Вы в своем уме?

Елисеев, кажется, ждал этой реплики.

— Вероятно, не вполне. Но это не отменяет сути.

— Отменяет многое.

— Согласен.

— Вы позвонили незнакомому человеку на северный остров и предложили ему жениться на вашей дочери, потому что боитесь за свое состояние после операции?

— Нет. Потому что боюсь за нее.

— Через состояние.

— Через то, как на нее начнут смотреть, если меня не будет рядом.

Павел коротко качнул головой.

— Нет.

Елисеев молчал.

— Нет, — повторил Павел уже жестче. — Сразу нет. На этой фразе можно заканчивать. Я не участвую в чужом семейном безумии. Тем более в таком.

— Понимаю.

— Нет, не понимаете. Вы сейчас говорите так, будто оформляете охранный контур. А речь идет о живом человеке. О вашей дочери. Ее браке. Такое вообще-то не должно использоваться как страховка к активам.

— Я знаю.

— Тогда какого черта?

Слово прозвучало резко. Почти зло. Елисеев не поморщился.

— Потому что у меня нет хороших вариантов.

— У вас деньги, власть, юристы, охрана и целый этаж тишины вокруг. У таких, как вы, всегда есть варианты.

— Для бизнеса — да. Для дочери — не всегда.

Павел откинулся назад. Провел ладонью по подбородку. Внутри поднималось глухое раздражение. Не только на Елисеева. На весь разговор. Экран вдруг принес сюда, на остров, чужой кабинет. Все чужое. Беду, дочь, о которой он не просил ничего знать.

— Послушайте меня внимательно, — резко ответил он. — Я не объект из вашего списка. И не запасной болт в механизме. И не святой отшельник, которому можно предложить нелепую сделку только потому, что он живет далеко и никому не мешает.

— Я не считаю вас ни тем, ни другим.

— Зато ведете себя именно так.

— Возможно.

— Не возможно. Именно так.

Елисеев выдохнул. Медленно. Осторожно. Павел заметил это. И то, как на мгновение изменилась линия рта. Боль? Усталость? Неважно. Он тут же отрезал в себе лишнее внимание к чужому состоянию. Не его дело.

— Почему я? — спросил он снова. — По-настоящему. Без красивых формулировок.

Елисеев посмотрел прямо в камеру.

— Потому что вы далеко.

Павел даже не ответил сразу.

— Прекрасно.

— И потому что вы не зависите от моих денег.

— Еще лучше.

— И потому что, судя по всему, умеете жить в рамках и не лезете туда, где вам не надо.

— А вот тут вы уже меня бесите.

— Меня тоже многое бесит в этой истории.

— Тогда не продолжайте.

— Не могу.

Павел встал. Отошел от стола. Сделал два шага к окну. Потом вернулся. В тесном помещении станции злость была заметнее. Деваться ей было некуда.

— Вы вообще слышите, как это звучит? — спросил он. — «Здравствуйте, Павел Андреевич, я вас выбрал, потому что вы удобный, далекий и, похоже, не слишком живой!» Так?

Елисейев впервые отвел взгляд.

Не от стыда даже. От точности удара.

— Нет, — сказал он наконец. — Не так.

— А как?

— Я выбрал человека, который, возможно, не причинит моей дочери дополнительного вреда.

Павел замер. Фраза была произнесена спокойно. Почти бесцветно. Потому попала в цель.

Он медленно сел обратно.

— Вы плохо умеете просить, — сказал он.

— Давно не практиковался.

— Видно.

На секунду между ними возникло не понимание. Нет. Просто короткое, мрачное узнавание. Оба были людьми, которые редко просили и часто решали все сами. Но этого было мало. Павел покачал головой.

— Все равно нет.

— Почему?

— Потому что ваш план унижает всех участников сразу. Вас. Ее. Меня.

— Да.

— Потому что я не собираюсь входить в чужую жизнь в виде юридического пластыря.

— Понимаю.

— Потому что я не хочу иметь дело ни с вашей семьей, ни с вашим миром, ни с вашими причинами.

— И это понимаю.

— И потому что я давно вышел из любых человеческих конструкций, где от меня ждут.

Где я буду кем-то для кого-то. Мужем, опорой, образом надежности. Все это мимо. Давно.

Он сказал и сам услышал, как мертво прозвучали слова. Елисейев услышал тоже.

— Из-за вашей семьи? — переспросил он.

Павел поднял взгляд так резко, что любой другой человек на том конце связи уже начал бы отступить. Елисейев не отступил.

— Не надо, — сказал Павел очень тихо.

— Я не хочу вас задеть.

— Уже задела.

— Тогда простите.

Павел усмехнулся без улыбки.

— Легко.

— Нет. Нелегко.

Опять пауза. За окном станции резко ударил ветер. Металл на антенне тонко отозвался. В кабинете Елисейева, не дрогнуло ничего. Там все было под контролем. Или выглядело так.

Павел смотрел на этого человека и все сильнее злился на одну вещь. Тот не был похож на циничного дельца, который решил прикрыть наследство любой ценой. Циник говорил бы легче. Увереннее. Чище. Елисейев говорил так, будто каждое слово приходилось брать через внутреннее отвращение к самому себе.

Это осложняло отказ.

— А дочь знает? — спросил Павел.

Елисеев ответил не сразу.

— Еще нет.

— Тем хуже.

— Да.

— Ей сколько?

— Двадцать четыре.

— И вы хотите поставить ее перед фактом?

— Нет. Я хочу сначала понять, есть ли вообще с кем обсуждать такой вариант.

— Со мной — нет.

— Почему вы так уверены?

— Потому что я не сумасшедший.

Елисеев кивнул.

— Это хороший признак.

— Не испытывайте мое терпение.

— Я и так на грани.

На этот раз Павел все же чуть заметно усмехнулся. На секунду. Просто потому, что реплика оказалась слишком честной. Елисеев это увидел. Решил, что можно идти дальше. Если остановится сейчас, все было зря.

— Моя дочь не беспомощна, — уточнил он. — И это важно. Я не ищу ей сиделку. И не ищу надзирателя. Мне не нужен человек, который будет изображать из себя спасителя.

Павел молчал.

— Она умна. Упряма. Получила прекрасное образование. Работает. Занимается благотворительностью. Может за полчаса построить взрослого мужчину так, что тот потом будет благодарен. Она не позволяет делать себе скидку из-за своего состояния.

Павел чуть прищурился.

— Из-за какого состояния?

Елисеев положил ладони на стол.

— У нее травма позвоночника. После аварии. Она передвигается на коляске.

И вот тут что-то внутри у Павла дало не трещину даже. Тихий сдвиг. Небольшой. Почти незаметный. Но настоящий. Он не отвел глаз.

Просто вдруг очень ясно увидел. Не наследницу. А человека, который однажды тоже вышел из машины уже в другую жизнь. Или не вышел. Кого-то вынесли. Неважно. Важен был сам край. Та черта, после которой мир уже никогда не собирается обратно прежним.

Павел сел неподвижно.

— Сколько ей было? — спросил он.

— Четырнадцать.

Это прозвучало слишком просто. Голо. Павел опустил взгляд в стол. В памяти вспыхнуло детское кресло на заднем сиденье. Ремень. Светофор. Мокрая трасса. Голос жены, еще живой ровно секунду назад. И потом тишина, в которую жизнь рушится целиком.

Он резко поднял голову.

— Не надо, — сказал он уже не Елисееву. Самому себе.

Но с той стороны экрана сидел именно Елисеев. Он понял по-своему.

— Я не прошу вас жалеть ее.

— Я вообще никого не жалею.

— Верю.

— И правильно делаете.

Павел встал снова. Подошел к раковине. Открыл воду. Закрыл. Просто чтобы что-то сделать руками.

— Вы не понимаете, что делаете, — сказал он, стоя вполоборота к экрану.

— Объясните.

— Вы берете чужую сломанную судьбу и пытаетесь прикрыть ею другую сломанную судьбу. Это плохая конструкция.

— Возможно.

— Не возможно. Плохая.

— А хорошей у меня нет.

Павел медленно обернулся.

— Почему вы решили, что мне вообще можно это предлагать? — спросил он.

— Потому что вы уже знаете, что такое жить после катастрофы.

— Именно поэтому нельзя.

— Или именно поэтому можно.

Павел резко выдохнул. В кабинете Елисеева дрогнуло что-то человеческое. Не маска. Не деловая выправка. Просто усталость. Огромная. Старая. Не от денег и власти. От беспомощности.

— Я боюсь не за капитал, — тихо сказал он. — Черт с ним, с капиталом. Я боюсь за девочку, которая привыкла жить с прямой спиной там, где многие на двух ногах ползут. Я боюсь, если меня не станет или меня надолго выбьет из игры, вокруг нее начнут кружить люди с правильными лицами и неправильными намерениями. А она... умеет видеть в людях хорошее. Иногда слишком рано.

Павел слушал молча.

— Я знаю, как мерзко это звучит, — продолжил Елисеев. — Я знаю. Каждый раз, когда думаю об этом, мне самому хочется встать и выйти из комнаты. Но я не могу выйти из своей операции. Не могу выйти из диагноза. Не могу перестать быть ее отцом. Поэтому я делаю то, что умею. Ищу форму защиты. Даже если она унижительна.

Последнее слово он произнес почти шепотом. Павел медленно вернулся к столу. Сел. Теперь он смотрел на Елисеева иначе. Не теплее. Просто без прежней ясной уверенности, что разговор можно оборвать и забыть.

Это раздражало.

— Она хоть понимает, в каком мире живет? — спросил он.

— Да.

— И что на нее действительно могут открыть охоту?

— Да.

— И все равно не прячется?

— Нет.

— Почему?

И тут Елисеев впервые за весь разговор изменился. Лицо осталось жестким. Голос тоже не смягчился. Но в нем появилась та опасная гордость, которая бывает только у родителей.

— Потому что это Алиса, — ответил он. — Она упрямая. Светлая. Смешная. Поет, когда злится. Утешает других, когда самой больно. Может отдать последнюю рубашку чужому человеку, а потом еще отругать его за плохое настроение. Она не считает себя несчастной. И если кто-то рискнет так ее назвать, получит в ответ лекцию, иронический комментарий и просьбу не путаться под колесами.

Павел слушал.

И вдруг очень не вовремя представил девушку, которую никогда не видел. Молодую. Быструю.

На коляске. С живым подвижным лицом. Упрямую. С каким-то почти неуместным светом.

Это было совсем не то, к чему он был готов.

Он ждал услышать про хрупкую наследницу, которую надо охранять от мира. А услышал про человека, который уже давно воюет с миром сам.

— Зачем тогда ей вообще такой брак? — спросил он.

Елисеев устало прикрыл глаза на секунду.

— Затем, что сила не отменяет уязвимости.

Вот тут Павел уже ничего не ответил. Потому что это тоже была правда. Одна из самых неприятных. Сильные люди ломаются не реже. Они просто делают это тише и незаметнее.

Ветер снова ударил в стену станции. На севере погода менялась быстро. Свет в окне стал блее. Павел смотрел на экран и понимал, что давно вышел за пределы разговора, который хотел закончить на первой минуте.

Злился на себя.

— Даже если на секунду представить, что я не послал вас к черту прямо сейчас, — сказал он, — что вы вообще предлагаете? По шагам.

Елисеев понял, что это не согласие. Но и не отказ в прежнем виде.

— Контракт, — ответил он. — Подробный. Срок. Жесткие границы. Нулевой доступ к активам. Раздельное имущество. Никаких прав представительства. Формально — брак. По сути — защита от внешнего круга. Ежедневная видеосвязь, чтобы союз выглядел живым. Без требования физической близости. Без навязывания роли мужа в бытовом смысле. С уважением к вам обоим.

— Звучит так, будто вы уже писали это у себя в голове много раз.

— К сожалению.

— А если ваша дочь откажется?

— Это ее право.

— И вы примете?

Елисеев помолчал.

— Приму, — сказал он наконец. — Даже если мне это не понравится.

Павел заметил паузу. Честная пауза. Неудобная. Такая, после которой веришь больше, чем после идеально правильных слов.

— А если я соглашусь, а она решит, что я сумасшедший?

— Тогда я буду с ней солидарен.

Павел неожиданно тихо фыркнул. Это тоже был почти смех. Он потер переносицу. В голове шумело не от усталости. От того, что разговор пробил сразу несколько старых швов. И теперь внутри все держалось хуже обычного.

— Вы не должны были звонить мне с этим, — укорил он.

— Наверное.

— Я не ваш человек.

— Именно поэтому и позвонил.

Павел смотрел на него долго. Елисеев сидел прямо. Сдержанно. Но в глазах у него уже не было прежней холодной управленческой формы. Там стоял страх. Настоящий. Не за себя.

Павел слишком хорошо знал такой страх. Он мешал просто нажать отбой и вернуться к птицам.

Встал. Прошелся по тесной комнате. Остановился у окна. За стеклом тянулась северная вода. Далеко над берегом мелькнула стая. Маленькие темные точки. Живые. Упрямые. Слишком хрупкие для такого ветра. И все же каждый год возвращающиеся сюда снова.

— Черт, — сказал Павел очень тихо.

— Что? — не понял Елисеев.

— Ничего.

Он постоял еще немного. Потом обернулся.

— Я не говорю «да».

— Я и не жду.

— Не перебивайте.

— Хорошо.

— Мне не нравится ни одна часть этой истории.

— Понимаю.

— Мне не нравится ваш подход. Ваша идея. Ваша уверенность, что чужую жизнь можно ввести в схему защиты.

— Понимаю.

— И мне категорически не нравится, что вы вообще оказались отчасти правы в выборе адресата.

Елисеев ничего не сказал. Только чуть изменился в лице. Словно услышал самое важное из всего разговора и не позволил себе на это отреагировать слишком явно.

Павел сел обратно. Положил ладони на стол. Чтобы не было видно, что внутри все еще идет тяжелая работа.

— Пришлите детали, — сказал он. — Без украшений. Контракт. Условия. Что будет знать она. Что предполагается от меня. Что не предполагается. Я ничего не обещаю.

Елисеев кивнул один раз.

— Разумеется.

Павел помолчал секунду.

А потом произнес финальное, уже почти с раздражением на самого себя:

— Пришлите условия. Я прочитаю.

Глава 6. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Когда Алиса вошла в кабинет, сразу почувствовала, что-то не так.

Тишина была другой. Не привычной, уютной. Не той, в которой она привыкла разбирать заявки и подавать запросы. Тишина как-то сжалась. Заглохла. Алиса заметила, что стол отца пуст. Нет папок. Кружки с кофе, которая всегда стояла возле монитора. Только несколько документов, сложенных поперек.

— Папа? — неуверенно спросила она, приближаясь. — Ты здесь?

Владимир Миронович сидел за другим столом, в темном костюме. Плечи ровные. Лицо спокойное. Но глазах притаилась усталость. Мелькнула мысль, что он не спал. Но это невозможно было понять наверняка. Он не был человеком, показывающим слабости. В этом заключалась его сила. И слабость одновременно.

— Ты что-то хотел мне сказать, пап?

Он взглянул на нее и чуть поморщился.

— Послушай меня, Алиса.

Она придвинулась, по привычке скользнув взглядом в угол кабинета. Все было на своих местах. Но теперь тут не было привычного ощущения дома, уютной осведомленности. Даже в кресле возле окна, куда она всегда могла плюхнуться, откинуться и быть собой. Отдохнувшей и расслабленной.

Сегодня все было иначе.

Тишина стояла прямо между ними.

— Ты... что-то решил, да? — тревожно спросила Алиса, стараясь разогнать странное чувство опасности. Такого редкого гостя в этом кабинете.

Владимир Миронович снова посмотрел на неё. Взгляд немного смягчился. Алиса пожалала плечами. Стараясь вернуть лёгкость в разговор, чтобы не дать панике захватить её целиком.

— Папа, ты как-то не так выглядишь. Что происходит?

Он молчал несколько секунд. Затем поставил руки на стол и медленно произнес:

— Я принял решение, Алиса. Мне нужно, чтобы ты его выслушала и приняла. Без эмоций и негодования.

Её сердце сразу забило быстрее. Решение. Папа и решения — это всегда что-то важное. Как правило, решение отца не обсуждается. Но сегодня в голосе отца было что-то другое. Не обычным командованием, его просьбой или указанием. Что-то тяжёлое. Такого Алиса никогда раньше не видела в нем.

— О чем ты говоришь? — переспросила она, удерживаясь на локтях. Пытаясь понять, что происходило в его голове.

Он взглянул на неё снова. На мгновение глаза стали мягкими, как никогда. Но лишь на мгновение. После этого снова вернулась обычная строгость.

— Я хочу, чтобы ты заключила фиктивный брак, — четко проговорил он. Озвучив факты. — Иначе я не смогу быть уверен, что ты будешь в безопасности. Пока я... буду отсутствовать.

Молчание заполнило кабинет. В ушах звенело.

Алиса не сразу поняла, что он сказал. Слова звучали чуждо. Не имело смысла. Папа, такой строгий, всегда уверенный, вдруг просит её заключить фиктивный брак? Почему? И зачем? Как это вообще возможно?

— Ты что? — вырвалось из неё. Она поняла, что сдерживает слёзы. Не зная, что с ними делать. — Папа, ты с ума сошел?

Рука задрожала, когда она накрыла глаза. Не чтобы смутить его. Наоборот. Скрыть минутную слабость. Как могла она так долго не замечать, что он меняется? Эта тяжесть, страх

проникают в его голос? Он никогда не был слабым. Почему он её, просит? И что это за предложение — фиктивный брак?!

Владимир Миронович наклонился к ней. Теперь в его глазах не было строгости. Боль, ранимость, которую он пытался скрыть.

— Ты не понимаешь, Алиса. Мне страшно. Я боюсь за тебя.

Алиса дернулась в своем кресле. Оперлась на край стола. Не обращая внимания на документы, которые заскользили на пол. Резко повернулась и посмотрела на отца.

— Ты боишься за меня? Что случилось? Без сантиментов. Просто – скажи.

Он потер переносицу. Жесткие руки сжались в кулаки.

— Если меня не будет рядом, на тебя набросятся все. Кто захочет мой капитал. Твоя жизнь станет их целью, добычей. Я не могу этого допустить, Алиса. Прости. Я не смогу наблюдать, ни на этом свете, ни на том, как все рушится. Тебе будут выкручивать руки, а ты не сможешь ничего сделать. И я не смогу тебе помочь.

Что-то внутри неё сжалось. Страх отца был настоящим. Реальным. Слова становились понятными, но они разрывали сердце.

— Ты хочешь, чтобы я... вышла замуж? — с трудом выговорила она.

— Да. Я хочу, чтобы ты была защищена. Это необходимо. И точка.

Её сердце сжалось, в горле пересохло. Но вместо того чтобы снова прокричать что-то резкое, она взяла себя в руки. Папа просто не знал, что больше делать. Он сам был заперт в своем страхе. Как она могла это не увидеть раньше?

— Почему ты мне это говоришь сейчас? Ты не доверяешь мне? Ты решаешь всё за меня?

В глазах отца мелькнуло нечто непривычное. Слабость, которой она никогда не видела. Он был растерян. В первую очередь — из-за неё. Ужасное чувство.

Он встал и подошёл к ней. Остался на полшага ближе, чем был бы в любой другой ситуации.

— Я знаю, что ты сильная, Алиса. Ты справишься. Но если не сделаешь этого, мне будет худо. Я буду понимать, что тебя поглотит тот мир, который построил я. Ты уже никогда не сможешь выйти из его теней.

Алиса молчала. Она не знала, что делать с этими словами. Отцовский страх захватывал и её.

— Ты хочешь, чтобы я согласилась просто потому, что ты боишься за меня? — её голос был напряженным, слишком тяжелым. — Согласилась на чужую жизнь?

— Я не прошу тебя соглашаться, — ответил он совсем слабо. — Я прошу просто остаться защищенной. На короткий период. Совсем не на долго.

Секунда молчания. Алиса закрыла глаза. Фраза прозвучала так, как будто ей по-прежнему было 14 лет. Он прав, как всегда. Просил её о безопасности. Для нее же. Не становиться частью чужих далеко идущих планов, а сохранить все то, что уже есть. Себя, например. Что позволило бы ему уйти с миром. Обрести покой. Ну хоть какой-нибудь.

Но она не могла. Не могла! Но...

Огонь в груди начал затихать. Глотать только было невыносимо.

— Я согласна, — решительно выговорила она, но чего это стоило! — Если это будет и мой выбор тоже.

Посмотрела на отца. Тот сразу же разглядел в её глазах то, что уже было не по силам скрывать.

Всё-таки, он не был слепым. Просто – отцом. Который доверял не себе, а тому животному чувству опасности, которое рано или поздно ощущает каждый родитель.

Алиса кивнула. И, несмотря на всё, что теряла в этой договоренности, вдруг поняла: выбор действительно был её.

ГЛАВА 7. КОНТРАКТ

Скрипучий звук от клавиш в кабинете юриста казался слишком громким в тишине офисов. Экран монитора плавно переливался светом в кадре, где было четко видно только его мечущиеся пальцы. Каждый жест вызывал звуковой отклик клавиатуры. Пальцы мелькали из стороны в сторону, не давая себе права остановиться. Четкие строки, не требовавшие комментариев. Мерцающие страницы. Не были из разряда «договоры на все случаи жизни». Исключительные требования. Исключительные права.

Алиса сидела в своем кресле. Держала смартфон, чуть сжимая его, как якорь. Страх? Нет. Это был не страх. Скованность. Нечто вроде состояния, когда тебе предлагают руку и помощь. А ты не знаешь, как правильно принять. Где граница между добросовестным соглашением и предательским молчанием.

Юрист, сидящий на другом конце видеосвязи, обратил взгляд на экран. Глубокий, четкий и спокойный в своей работе. Его профессионализм был почти абсурдно точным. Техническим. Неживым. Но, корректным.

— Перед тем как начнем, — напутствовал он, — обязан спросить. Все ли вам понятно?

Алиса кивнула. Не ощущая настоящего присутствия. Холодный и точный голос юридического представителя. Как лезвие.

— Контракт будет простым, — продолжал он. — Я продиктую условия. Подтверждаем их. Вы можете задать вопрос, если что-то не ясно. Лучше сейчас.

Все, что было вокруг, стало почти пустым. Как стены. Она лишь продолжала следить за его выражениями, слушая одно предложение за другим. Эмоций не было. И слава богу.

— Давайте начнем, — вымученно проговорила она. — Некрасиво заставлять малознакомого человека ждать. Я в состоянии сосредоточиться на юридически верно составленном документе. Тем более, прошедшем предварительное согласование с моим отцом.

Юрист поправил тонкую дужку очков, согласно кивну. В способностях Елисеевых вести дела он не сомневался. Подал знак. Первый сеанс связи с далеким северным островом начался.

Статья 1. Предмет договора

1.1. Настоящий договор заключается между Алисой Владимировной Елисеевой и Павлом Андреевичем Осколковым.

1.2. Основной целью является вступление в брак на условиях ограниченной компетенции сроком 36 месяцев с последующим расторжением последнего, согласно условиям, оговоренным пунктом 3.

Алиса сжала смартфон. Всё казалось странным. Слова стали не просто абстрактными значениями, а «границами», о которых нельзя говорить вслух. Можно лишь утвердить сказанное и не дышать.

Статья 2. Обязанности сторон

2.1. Участника обязуются поддерживать имидж подлинности существующего официального брака в обществе.

2.2. Проведение ежедневных обязательных сеансов связи между Участниками (видеозвонков), время — 21:00 (Мск).

Обязательства звучали и казались далекими. Но звенящий холодок уже проникал в сердце. Мир слегка сжимался в этих рамках, нагружая плечи тяжестью. Всё, что оставалось, выдержать.

Юрист продолжил:

Статья 3. Финансовые гарантии.

3.1. Павел Андреевич Осколков обязуется в течение срока действия договора не пытаться получить доступ к финансовым ресурсам, являющимся собственностью Алисы Владимировны Елисейевой. И не предпринимать попыток совершать сделки от ее лица.

3.2. В случае смерти одного из супругов, второй супруг не имеет прав на наследство или управление имуществом.

—Замечательно! — едко проговорила Алиса и поморщилась. — То есть, предполагается, что смерть одного из супругов, в период действия договора, таки возможна?! Которого же, из двух Участников, интересно?

— Всё это касается лишь юридического аспекта, — тревожно заворковал юрист. — Контракт не касается личных отношений между сторонами, кроме как в отношении публичной видимости.

Алиса долго держала паузу. Почти театрально долго.

Статья 4. Расторжение договора

4.1. Договор может быть расторгнут до истечения срока действия по просьбе одной из сторон, если соблюдены все условия, указанные в разделе 2 и 3.

И вот тут как будто выдохнул и запнулся. «До истечения срока», «расторжение». Эти слова пробивали внутренний мир, как дырки стекло. Просто пули какие-то, задевающие все самое важное. Алиса снова поморщилась.

Статья 5. Санкции

5.1. В случае несоответствия условиям договора, одна из сторон имеет право обратиться в суд для расторжения соглашения в пределах действующего законодательства.

Юрист завершил чтение, перед экраном повисла пауза. Ни слова не было сказано. Ни звука не прозвучало. Всё. Алисе стало тяжело дышать. Нет, это не было про решение. Скорее про действие, которое активно продвигалось. А она уже не могла ничего остановить.

Юрист заметил её судорожное молчание.

— Вам нужно время для размышлений, Алиса Владимировна?

Она отрицательно мотнула головой.

— Нет.

Он завершил:

— Хорошо. Письменные экземпляры будут отправлены всем Участникам по почте.

Не спрашивал, готова ли она подписывать договор. И Павлу тоже не задал вопроса. Помолчал немного.

— Ежедневный звонок в двадцать один ноль-ноль. Время моск. Без пропусков, пожалуйста.

На этой официальной ноте разговор завершился. Павел молчал на другой стороне экрана. Алиса закрыла глаза. Как только экран погас, что-то внутри неё оборвалось. Вот момент, когда все описанное казенным языком документа, превращается в настоящие эмоции, сомнения и страх. Теперь он был здесь. Завтра все повторится. И послезавтра.

Каждое слово юриста прокладывало невидимую линию, за которой начинается что-то чуждое. Они с папой никогда не разговаривали так откровенно. Всегда решали проблемы быстро. Без лишних разговоров и объяснений. Здесь всё иначе. Это было испытанием на прочность. Цена которым была она, её жизнь.

Пальцы стали влажными и бессознательно сжимались вокруг смартфона. «Фиктивный брак». Как только она проглотила эту фразу, услышала её из уст другого человека, всё вокруг застыло.

В голове начали вспыхивать картины. Отец в кабинете, не в силах выразить вслух свой страх. Слова, которые он даже не попытался замаскировать. «Если меня не будет рядом...» Она почувствовала, как небо над Петербургом стало тяжелее. Как будто это не город, а проклятая

пустота. В которой отец пытался спрятать ее жизнь. Ради безопасности, конечно. Она не могла понять, где закончится этот договор и начнется их жизнь.

Павел. Кто он на самом деле? Был ли её реальным спасением или фатальной ошибкой? Отец хотел обезопасить её, чтобы она не осталась одна. Беззащитной. Но был ли этот план её выбором? Был ли её голос услышан?

Юрист завершил чтение. Он был готов к её ответу. Руки дрожали, даже если она пыталась держать их неподвижно. Она смотрела на пустой экран, но не видела ничего. Только слова, которые крутились в её голове, смешивались с тем, что она чувствовала на самом деле.

— Вам нужно время для размышлений, Алиса Владимировна? — переспросил он с той же неколебимой уверенностью, как будто она только что подписала все пункты.

Она подняла глаза. Почувствовав, как весь её мир сжимается в этом маленьком моменте. Страх. Сомнение. Знакомое ощущение, что начинало расплзаться внутри. То, что она не могла назвать, но знала. Выбор. Его выбор. Но и её. И не только.

— Нет. — Сказала она. Не была уверена, но не могла оставить вопрос открытым. Потому что согласие нужно было не только отцу. Но и ей. Оберегая его от страха потери. Вот так теперь они прикрывали друг друга, тем что у них осталось. Принятием странных решений. Вот только при чем тут еще и какой-то Павел. Вот мужик попал!

Юрист кивнул, не ожидая другого ответа.

— Хорошо. Напоминая, что письменные экземпляры будут отправлены вам по почте. Подпись потребуется не позже пятницы.

Конец одного этапа. И начало следующего. Но Алиса не чувствовала облегчения. Не воспринимала, что можно отдохнуть от этого. Не могла даже представить, как можно жить, с таким договором на руках. Старая, добрая верная коляска жалобно скрипнула рессорой. Что было для нее вообще-то не типично. Слишком серьезное чудо науки и техники. Мирового масштаба.

Она взглянула на экран. Юрист с достоинством ждал её реакции. Она молчала.

Слова, сказанные на прощание, прозвучали будто это не было предложением. Просто указание. Выбор теперь был подчинён «безопасности». Что-то унижительное и липкое.

— Ежедневный звонок в двадцать один ноль-ноль. Без пропусков, пожалуйста.

Звучание слов эхом отозвались в её голове. Нельзя пропустить. Ни-ни. Как будто жизнь теперь должна была подчиниться новым правилам. Режиму. Обязательствам. Это казалось безумным. Звонки. Заключение сделки. Она только что подписала разрешение использовать свою жизнь на чужих условиях, под юридическим контролем контролем. К чему? Зачем всё это?

Как бы она ни пыталась себе это объяснить, не хватало ни сил, ни слов. Всё это было слишком тяжело, чтобы быть настоящим. Но она понимала. Она всё понимала.

Она отложила смартфон и посмотрела на тёмное окно. Там, Петербург был уже не тот, что она видела утром.

Рассвет, утро, предвкушение. И вот теперь, всё. Страх не исчез, стал частью её. Маленький выбор, который был уже сделан, был важным.

Она подкатилась к окну. Протянула руку и открыла фрамугу. Надеюсь, что хоть свежий воздух немного разгонит мысли.

— Ты не можешь всё контролировать, — прошептала сама себе. И закрыла глаза. Всё будет меняться. Неизбежно. Ну и ладно. Лишь бы лишь бы только Оборвала себя, не дала даже мысленно закончить страшную фразу. То, чего не сказано, того не существует. И точка.

Потом она вернулась к столу. Устроилась с максимальным комфортом, на сколько это возможно. Да, да. В ее положении. Мерзкое словосочетание. Почувствовала, как растёт тяжесть в груди.

Договор. Внешняя форма. Всё это могло быть началом конца. Или наоборот, стартом чего-то нового. Вот и посмотрим, кто кого. И почему. Не в первый раз идем напролом.

Глава 8. ПЕРВЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЗВОНОК

Вечер в Петербурге был тихим, но для Алисы он казался нескончаемым. Она сидела за столом в кабинете, смотрела на экран. Время приближалось к 21:00. Ей невыносимо хотелось закончить этот день. Обязанность, которую она не просила, но которая теперь стала её реальностью.

Её руки нервно сжимали телефон, холодный в её пальцах. Внутри было какое-то странное чувство — страх? Да, немного. Но ещё больше — неловкость. Это был её первый разговор с Павлом. Его имя теперь было связано с обязательствами. Неприятно. Но терпимо. Ей предстояло пройти через это. Его глаза, голос. Возможно, и через его молчание. И презрение, что тоже возможно.

Она не была готова. К тому, что Павел будет таким, каким он есть. Угроза, которую она почувствовала в первый момент, вдруг стала явной. Он был не просто одиночкой. Павел был замкнут в своём мире. И все эти разговоры были для него чем-то вроде отстранённой обязанности.

Её взгляд скользнул по комнате. Даже стены снова замкнулись. Кабинет, который раньше был её личным убежищем, теперь ощущался чужим. Она перевела взгляд на часы. 20:58. Почти.

Дыхание стало медленным и ровным. Время неумолимо двигалось вперёд. Алиса знала, что сейчас не будет места ни для эгоизма, ни для отговорок. Она должна была поговорить с ним, как с кем-то, кто стал частью её жизни. И точка.

Она пролистнула экран до нужной иконки и нажала на видеозвонок.

Экран мигнул. И вот он, Павел. Сразу же появились его глаза — холодные, наблюдательные. Его лицо, оставалось спокойным. И выражение было таким же, как когда они говорили по телефону. Он сидел в комнате, в знакомом свитере, с тем же скучным выражением лица и ничем не примечательной мебелью вокруг.

Словно всё это было частью системы. Ничего лишнего.

— Добрый вечер, — произнёс он сдержанно. Голос был низким, ровным. Он пытался уменьшить дистанцию, но все равно в его тоне было что-то отстранённое.

— Добрый вечер, — ответила она и даже улыбнулась. Пытаясь не показать, как сильно этот разговор её пугает.

Сквозь экран смотрели немного усталые глаза, и ей стало немного не по себе. Это не было как общение с другом. А всё равно что разговаривать с человеком через стекло.

— Как там у вас? — спросила она с осторожностью. Сразу почувствовала, как слова зависают в воздухе. Слишком абстрактные.

— Всё нормально. Как и всегда, — ответил Павел, глядя на неё без какого-либо выражения. — Тишина. Уют. Скучно. И медленно.

Скучно. Именно так. В его словах не было ни тени иронии. Но она понимала, что он продолжает скрывать за этим холодным ответом свою реальность. Она уже знала, что жизнь на острове была не просто уединением. Изгнание. Его собственная казнь. Её пальцы легли на стол, тело напряглось. Разговор не был простым. С каждым словом между ними возрастала отчуждённость.

— Вы не устали от одиночества? — спросила она, не задумываясь, как это прозвучит. Просто сорвалось с языка.

Павел на мгновение замер. Только глаза стали чуть менее сосредоточенными. Но он не показал ни признаков гнева, ни удивления.

— Я устал не от одиночества, — объяснил он спокойно, в его голосе прозвучала едва уловимая печаль. — Я устал от необходимости что-то объяснять.

Сердце сделало странный, почти незаметный толчок. Усталость. Не от одиночества, а от объяснений. Она поняла, что его молчание — не просто способ избегать ответа. Способ выживать. Не легкий выбор. Научился скрывать за простыми фразами то, что было на самом деле.

— А что объяснять? — переспросила она, пытаясь вернуть лёгкость разговору. Но уже понимала, что ей не удастся этого достичь. И все идет наперекосяк. Слишком много скрытого между ними.

Павел немного наклонил голову в сторону, его взгляд стал более пристальным. Почти изучающим. Он не отвечал. На секунду ей показалось, что он пытается решить. А стоит ли продолжать этот разговор вообще.

— Вам всё это нужно? — спросил он, не отрывая взгляда.

Её глаза на мгновение расширились. Он не спросил о чём-то глубоком. Просто поинтересовался, нужно ли и ей это всё. Такой не вопрос не для её головы. Вопрос для сердца. Да вот только нужно ли ему ее сердце. Как и ей – его. И как ответить?

— Я не знаю, — ответила она, правду. А что еще? — Я не знаю. Но знаете, что? Странно, если мы и дальше будем говорить на «вы»? Может, попробуем по-другому?

Тот момент, когда между ними не было слов и звуков. Только взгляд, которым они обменялись через экран.

Тишина пронзала её и снова возвращала в этот странный мир. Где всё вдруг решается без ясности и слов.

— У тебя есть вопросы? — мягко спросил Павел, нарушив паузу. Но его голос стал как-то мягче.

Алиса задумалась. У неё было много вопросов. Вопросы не о его жизни. А о её жизни. Почему она всё это принимает? Почему она сидит здесь, в этом кабинете, разговаривая с ним через экран?

— Ты когда-нибудь думал, что все это — просто фикция? — спросила, не зная, зачем задаёт этот вопрос. Но она хотела знать, как он это понимает. Так ли он воспринимает всё, как она?

Павел несколько секунд молчал. Он не торопился с ответом и оставался непроницаемым.

— Не думаю, — ответил он наконец. — Фикция не заставляет нас меняться. А это — изменит нас. Уже начинает, я так думаю. Вот только...

Он не закончил. Потому что, следующая фраза была: «Сделает ли это нас счастливее». А это было слишком жестоко, даже для него. А кинуть такое в лицо милой, юной девчонке со вздернутым носиком, гордо выпрямляющейся в самой крутой из возможных инвалидных колясок. Было бы форменным свинством. Даже с его стороны.

Алиса почувствовала странную тяжесть в груди. Это не был ответ, который она ожидала. Но он точно не был враньем. И правда ставила их в тупик. Потому что теперь всё казалось гораздо более сложным, чем просто бумага или подпись. И ехидные шуточки по дальней связи раз в день.

Звук отключаемой связи отозвался в ушах. И, хотя связь отключилась, она ещё долго смотрела на экран, не в силах оторваться. Сколько всего было сказано и не сказано за эти несколько минут?

На острове Павел тоже молчал. И в его молчании было столько же несказанного. Взгляд на пустой экран, который, несмотря на завершение разговора, продолжал жить своей собственной жизнью.

Пока не вернулась привычная пауза.

Они оба смотрели в темный экран. И не знали, что будет дальше. Вопросы остались.

Павел ужасно мучился. Если бы он увидел ее до подписания договора, никогда бы не согласился на такую жесть. Она – ребенок. Но... И что, реально с ней будет, если ее отец –

умрет. Может, она вообще не понимает, что происходит. До конца? Ну тогда, ее отец еще более хитер дальновиден, чем Павлу показалось. Бросить ее на съедение сейчас, это ведь даже не предательство. Это что-противоестественное. Так. Не думать! Но еще одна мысль сверлила его измученный мозг. А если бы кто-то из самых дорогих для него людей остался жив. Но вот такой ценой. Что бы они чувствовали в подобной ситуации. Что бы сделал он, чувствую, что умирает, чтобы их защитить. О, нет. Нет. Не существует в жизни сослагательного наклонения. И точка.

А Алиса, сильная. Упрямая. Алиса Елисеева. И теперь она должна была научиться жить с этим. Без своего могущественного покровителя.

Боже ты мой.

Глава 9. ВИДИМОСТЬ БРАКА

Утро началось с письма от юриста.

Тема стояла сухая. Почти оскорбительная в своей деловитости: «Порядок внешнего сопровождения брака».

Алиса открыла письмо. Прочитала раз, второй. Потом фыркнула.

— Какая прелесть. Внешнее сопровождение брака. Как будто речь идет о перевозке хрупкого груза.

Маргарита Сергеевна, стоявшая у кофемашины, оглянулась.

— С учетом обстоятельств формулировка еще довольно нежная.

— Нет. Нежная была бы: «Как сделать вид, что вы не участвуете в маленьком социальном безумии».

Она снова вчиталась в текст.

Юрист, разумеется, был верен себе. Все разложено по пунктам. Формирование публичной версии знакомства. Согласование краткой биографической линии. Перечень фотографий для внутреннего и внешнего контуров. Допустимые формулировки для прессы. Ограничения на комментарии о частной жизни. Рекомендованная частота совместного присутствия в информационном поле.

Будто речь шла не о людях. О проекте.

Хотя, если честно, сейчас именно так все и выглядело.

Алиса подкатила ближе к столу. Коляска мягко развернулась у края ковра. На экране планшета уже ждал еще один файл. Его прислал Павел. Название было короткое:

«Черновик легенды. Посмотрите».

— Он даже слово «легенда» написал без улыбки, — пробормотала Алиса.

— А вы ожидали смайлик? — спросила Маргарита Сергеевна.

— От Павла? Нет. Это было бы уже медицинским случаем.

Она открыла файл. Первые строки были предельно ровными. Познакомились через благотворительный проект, связанный с экологической повесткой и поддержкой природоохранных инициатив. Общение продолжилось в частном порядке. Решение о браке принято без публичного объявления до официальной регистрации, по обоюдным личным причинам.

Алиса дочитала и застонала.

— Нет. Нет. Нет. Это написано человеком, который разговаривает с чайником, как с ведомостью.

— Зато честно.

— Маргарита Сергеевна, нельзя выдавать в мир такую степень внутренней засухи. Нас же сразу раскусят.

Она взяла телефон и набрала Павла. Он ответил быстро. Как всегда, без «алло» и интонационного разгона.

— Да.

— Павел Андреевич, у нас проблема.

— Уже?

— Да. У нас чудовищная легенда.

Пауза.

— Вы читали файл?

— К сожалению. И я требую пересмотра.

— Почему?

— Потому что это не история знакомства. Это протокол допроса двух подозрительно вежливых людей.

На той стороне стало тихо. Потом Павел неожиданно сказал:

— Хорошо. Предлагайте.

Алиса даже замолчала на секунду.

Он не спорил. Не отбивался. Не уходил в свою обычную сухость. Просто предложил поправить. Ей. Это было почти приятно.

— Во-первых, — сказала она уже бодрее, — никакой «экологической повестки». Я не могу выйти к людям и сказать это с живым лицом. Я искусствовед, а не пресс-релиз. Во-вторых, «по обоюдным личным причинам» звучит так, будто мы оба что-то скрываем. И уже на всякий случай жалеем.

— Мы действительно скрываем.

— Да. Но делать это надо красиво.

Павел помолчал.

— У вас есть вариант?

— Разумеется. Я вообще сегодня щедра на спасение безнадежных конструкций.

Маргарита Сергеевна, слушая с дивана только одну сторону разговора, уже улыбалась.

— Пишите, — сказал Павел.

— «Познакомились благодаря общему интересу к благотворительным проектам и защите природы. Некоторое время общались закрыто и не стремились делать личное достоянием публики». Уже лучше.

— Мягче, — признал Павел.

— Конечно. Потому что в этом есть хотя бы намек на то, что мы люди.

— Это спорно.

— Павел Андреевич, сейчас не время рушить мои иллюзии.

В трубке возникла пауза. Потом, почти незаметно, он усмехнулся.

Алиса замерла. Всего на миг. У него был хороший смех. Вернее, его тень. Короткая. Сдержанная. Почти забытая.

— Вот, — сказала она уже мягче. — Так гораздо лучше. Вы умеете. Не отпирайтесь.

— Я ничего не сказал.

— Именно. Но я все слышала.

Она отключилась через минуту. И еще несколько секунд смотрела на погасший экран. Маргарита Сергеевна подняла брови.

— Что?

— Ничего, — быстро ответила Алиса. — У человека, оказывается, есть признаки жизни.

— Вас это расстроило?

— Наоборот. Меня это крайне подозрительно обнадежило.

К полудню кабинет Алисы превратился в маленький штаб по производству семейной правдоподобности. Пришел фотограф. Не модный. Нормальный. Спокойный мужчина с правильным лицом и привычкой не задавать вопросов там, где ему за это платят. За ним пришла девушка из фонда, которая должна была согласовать, какие снимки пойдут в рабочий контур. А какие — в открытые публикации. Потом явился стилист, которого Алиса почти сразу выгнала.

— Нет, — сказала она. — Если вы еще раз произнесете слово «нежная невеста», я направлю коляску вам на ногу.

Стилист растерялся. Маргарита Сергеевна не дрогнула.

— Я предупредила, — спокойно заметила она.

В итоге Алиса осталась в светлой рубашке, мягком жакете и с привычной укладкой. Без лишнего. Она не собиралась изображать из себя воздушную картинку, которую бережно выдали замуж по обстоятельствам.

Она была Алиса Елисеева. И врать о себе собиралась только в той части, которую навязала жизнь. Не больше. Павел подключился по видеосвязи. И немного расслабился.

Алиса поняла две вещи. В деловых переговорах он выглядел иначе. Даже на экране. Во-первых, на экране он выглядел жестче.

Во-вторых, он был опаснее для душевного равновесия, чем ей хотелось бы.

Высокий. Сдержанный. В темной рубашке. Без попытки понравиться. И это почему-то цепляло сильнее всего.

— Добрый день, — сказал он.

— Добрый, — ответила Алиса. — У вас лицо человека, которого заманили на налоговую проверку.

— Я примерно так это и воспринимаю.

— Отлично. Значит, настроение у нас совпадает.

Фотограф кашлянул. Осторожно.

— Начнем?

— Начнем, — сказала Алиса. — Только сразу договоримся. Если вы попытаетесь поставить меня в позу «хрупкая женщина под надежной рукой мужчины», я вас уволю не своим приказом, а внутренним убеждением.

Фотограф моргнул. Павел посмотрел на Алису чуть внимательнее.

— Она не шутит, — тихо сказал он.

— Спасибо за поддержку, мой будущий муж, — невозмутимо ответила Алиса.

И тут они оба на секунду замерли.

Слово прозвучало вслух. Легко. Почти небрежно. Но между ними сразу повисла новая неловкость.

Павел отвел взгляд первым. Алиса мысленно укусила себя за язык. Потом решила, что поздно.

— Работайте, — сказала она фотографу. — Мы уже достаточно внутренне ранены для хороших кадров.

Съемка началась тяжело. Потом все наладилось.

— Чуть ближе, — сказал фотограф.

Павел с той стороны экрана сделал полшага.

— Еще.

Алиса подняла подбородок.

— Если я сейчас начну краснеть, прошу считать это производственным браком.

— Вы и сейчас уже слегка, — заметил Павел.

— Предатель.

Фотограф поймал этот момент. Щелкнул камерой быстро.

— Вот. Это хорошо.

— Что именно? — спросила Алиса.

— Когда вы говорите друг с другом, лица становятся живыми.

Она промолчала.

Павел тоже. А потом съемка пошла легче.

Алиса посмотрела на него снизу вверх и вдруг очень ясно почувствовала, как напряжение внутри чуть отпускает.

После съемки они удаленно общались в ее кабинете. Между ними легла следующая часть спектакля. Тексты, подписи, социальные сети, публичные ответы.

Девушка из фонда листала макеты публикаций.

— Значит, первый пост от лица фонда. Нейтральный. С акцентом на личную новость без вторжения в частную жизнь. Потом короткое подтверждение от Алисы Владимировны. И отдельная фотография для закрытого контура партнеров.

— «Закрытый контур партнеров» звучит как тайная секта взрослых людей с деньгами, — заметила Алиса.

— Иногда так и есть, — сухо ответил Павел.

Она посмотрела на него и снова уловила эту его странную способность говорить серьезные вещи так, что в них вдруг проступала почти невидимая ирония.

— Хорошо, — сказала она. — Что пишем?

Девушка прочитала вариант:

— «Алиса Елисеева поделилась важной личной новостью. В ее жизни произошли изменения, о которых она предпочитала не говорить до официального оформления...»

— Нет, — одновременно сказали Алиса и Павел.

Они переглянулись.

— Вы первая, — сказал он.

— «Произошли изменения» — ужасно. Так говорят про замену отопительных труб или внезапную проверку. Нужен человеческий язык.

— Согласен, — поддержал Павел. — И без фразы «предпочитала не говорить». Она звучит как оправдание.

— Вот видите, — Алиса повернулась к сотруднице фонда. — Мы уже почти семейная команда по борьбе с канцелярщиной.

В итоге текст переписали. Короче. Теплее. Потом был второй этап. Личные сообщения.

Нужно было ответить знакомым. Старым партнерам отца. Двум университетским подругам Алисы.

Председателю попечительского совета. Двоюродной тетке, которая всегда появлялась в жизни семьи, когда пахло новостями и наследством.

— Тетке я отвечу сама, — подтвердила Алиса. — Это мой личный крест.

— Какой тон? — спросил Павел, неожиданно подключаясь к процессу. Так, будто ему не было все это мучительно чуждо.

— Ласково-добывающий.

— Понимаю.

— Не думаю. Но ценю попытку.

Она диктовала, Маргарита Сергеевна одобряла, Павел иногда отнимал у фраз лишнюю театральность. И незаметно для обоих это превращалось в странную совместную работу. Не интимную. Пока нет. Но уже и не формальную.

Они начали ловить ритм друг друга. Алиса — быстрее, теплее, с иронией. Павел — суше, чище, точнее. Иногда это сталкивалось. Иногда вдруг совпадало так хорошо, что становилось даже опасно.

Павел стоял у окна, там далеко на севере. Алиса — у стола. Здесь. Между ними лежали распечатки, телефоны, кружка с остывшим кофе. Целый день чужой жизни, которую они вместе собирали по кускам.

— Устали? — спросила она.

— Да.

— Я тоже.

Он кивнул.

— Но вы держались бодро.

— Это потому, что я женщина стойкая и вредная.

— Второе заметно сильнее.

Она усмехнулась.

— Вы, кстати, неплохо справились.

— С чем именно?

— С ролью человека, который только что вступил в брак, но еще не готов умереть от этого морально.

Павел долго посмотрел на нее. Потом сказал:

— Вы тоже.

— Нет. Я блистала.

— Я это и имел в виду.

И снова короткая пауза. Неудобная. Но уже не пустая.

Алиса опустила взгляд на фотографии, которые вывели на экран для финального выбора. На одной он смотрел не в камеру, а на нее. Совсем немного. Но этого хватало. Взгляд был спокойный. Внимательный. Без игры.

На другой она смеялась. По-настоящему. Не для легенды. Просто в ответ на что-то, что он сказал. И камера поймала именно этот момент.

Она ткнула пальцем в экран.

— Вот эта опасная.

— Почему?

— Потому что на ней мы похожи на людей, которым вместе действительно нормально.

Павел подошел ближе. Смотрел молча.

— Да, — сказал он наконец.

— Неловко, правда?

— Скорее странно.

— Нет. Именно неловко. Я предпочитаю точность.

Он еще секунду смотрел на фото, потом очень тихо произнес:

— У нас слишком убедительно получается для фикции.

Алиса внимательно посмотрела на него. Улыбнулась кончиками губ.

-- У нас была сама странная и дурная удаленная свадьба, которую только можно себе представить.

Он тоже грустно улыбнулся и чуть наклонил голову:

-- Поздравляю с бракосочетанием. Дорогая.

Глава 10. ТИШИНА МЕЖДУ ВОПРОСАМИ

Первый звонок на этот раз не тянулся как обязанность.

Он все еще был обязательным. Еще стоял в расписании. И начинался в двадцать один ноль-ноль.

Но уже не напоминал допрос двух вежливых заложников. Алиса заметила это раньше Павла. Она вообще многое замечала раньше.

В тот вечер она сидела в своем кабинете с пледом на коленях и смотрела, как на экране вспыхивает соединение. День был длинный. Фонд, письма, какой-то невыносимый разговор с поставщиком корма. Который пытался торговаться о скидке так, будто речь шла не о собаках, а о перевозке кирпича. Алиса устала. Но не той усталостью, от которой хочется лечь и исчезнуть. Скорее той, от которой человек становится честнее.

Павел ответил почти сразу. За его спиной было не окно станции, а голая стена и край железной полки. Свет падал сбоку. Лицо казалось еще суше обычного.

— Добрый вечер, — приветствовал он.

— Добрый. У вас вид человека, который сегодня с кем-то воевал.

— С ветрозащитой на северной камере.

— И кто победил?

— Пока ветер.

Алиса улыбнулась.

— Наконец-то нормальная тема. А то мне уже начинало казаться, что мы обречены до старости обсуждать только наши фиктивные супружеские обязанности.

— До старости вряд ли, — сказал Павел.

— Какой вы, утешитель.

Он чуть повел плечом. Это у него заменяло улыбку. Или попытку не улыбнуться.

Алиса подтянула плед повыше.

— А если серьезно, что значит «ветер победил»? Он ее сорвал?

— Почти. Крепление повело. Пришлось менять стойку.

— В темноте?

— Еще не совсем.

— В одиночку?

— Да. Здесь больше никого нет. Не сезон.

Она посмотрела на него внимательнее.

— У вас это «да» прозвучало как «естественно».

— Так и было.

— Потрясающе. А мне сегодня пришлось полчаса убеждать взрослого мужчину, что корм для старой овчарки важнее его странного чувства собственной выгоды.

— И кто победил?

— Разумеется, я.

— Я не сомневался. В вас.

Тут они оба замолчали. Но это уже была другая пауза. Не пустая. Не та, в которой каждый ждет, когда другой наконец закончит и отпустит.

Алиса впервые поймала себя на том, что ей не нужно срочно заполнять тишину. Она просто смотрела на него. На его лицо. Усталые глаза. На привычку сначала думать, потом говорить. И с удивлением замечала, что рядом с этим человеком можно молчать. Не чувствуя себя обязанной все время спасать разговор.

Это было новым.

— Расскажите про камеру, — попросила она.

Павел чуть прищурился.

— Что именно?

— Все. Зачем она. Кого снимает. Как вы вообще это все делаете. Я знаю про ваших казарок преступно мало. А между тем, мы практически семья экологического профиля.

Он, кажется, хотел отмахнуться. Потом передумал.

— Камеры нужны, чтобы не лезть лишней раз туда, где птицам и без нас тревожно, — объяснял он. — Если сезон плохой, любое движение рядом с кладкой — риск. Особенно у молодых пар.

— У птиц тоже бывают молодые пары? Как мило.

— У птиц вообще много того, что люди считают только своим.

— Например?

— Верность маршруту. Память на место. Упрямство. Паника. Привычка возвращаться туда, где однажды удалось выжить. Последнюю фразу он произнес уже почти себе. Алиса услышала. Но не тронула.

— А краснозобые казарки красивые? — поинтересовалась она.

Теперь он посмотрел на нее иначе. Будто вопрос был немного неожиданным.

— Очень.

— Вы так сказали, как будто это не про отчет, а про живых существ.

— Они и есть живые существа.

— Не все биологи говорят так.

— Не все биологи живут с ними по полгода, в ветре. И стуже.

Алиса засмеялась тихо.

— Это уже звучит как ревность к коллегам.

— Вполне возможно.

— Тогда покажите мне их когда-нибудь.

— Камера часто дает плохую картинку.

— А вы попробуйте хорошую.

Он снова замолчал. На этот раз не от неловкости. От раздумья.

— Хорошо, — сказал он. — Когда будет нормальный свет и связь.

Алиса откинулась на спинку кресла.

— Договорились. Видите? Мы уже дошли до совместных планов. Почти ужас.

— Не преувеличивайте.

— Я женщина творческая. Мне положено.

Следующий звонок случился на другой день. Потом еще. И еще один. Они не становились откровенными резко. Не вскрывались. Не прыгали в душевную глубину с разбега. Им обоим это было не свойственно. Но тема вдруг нашлась такая, в которой не надо было ничего изображать.

Животные. Птицы. Природа. Страх потери. Раны. Хорошие и плохие ветеринары. Детеныши и птенцы. Кладка. Кастрация. Фраза: «У них – как у людей. У нас, то есть.» Все то, что не лжет.

На третий вечер Павел показал ей ветровое окно станции. Камеру пришлось ставить на ящик. Качество было плохое. Звук еще хуже. Зато за его плечом мелькнул край холодной воды и кусок серого неба.

— Это море? — сразу спросила Алиса.

— Да.

— Боже, какое оно. Суровое. И классное.

— Это еще спокойное.

— Вы живете как человек, которого случайно отправили сторожить край мира.

- Иногда так и есть.
- И вам не страшно?
- Чего именно?
- Такой тишины.

Он подумал.

- Нет. К ней привыкают. И здесь тоже бывает шумно. Просто , нужно слышать.
- А я бы, наверное, начала разговаривала с чайником.
- Вы и так, думаю, разговариваете.
- Только с достойными чайниками.

На секунду связь подвисла. Картинка дернулась. Потом Павел усмехнулся:

- Я в это верю.

Алиса вдруг внутренне улыбнулась не его словам. Тому, как спокойно он принял ее тон. Не сделал вид, что юмор — это что-то лишнее. Не оттолкнул. Взял и ответил в том же ритме.

Она этого не ждала. И вообще ждала от него другого. Снисходительной вежливости. Терпения через силу. А получала точность. Сдержанность. И странную честность, в которой не было ни капли показного мужского превосходства. В четвертый вечер разговор снова начался с формальности.

- Как прошел день? — чопорно спросил он.

— Я спасала мир. Очень выборочно. Сегодня в радиус спасения попали два щенка, один приютский бухгалтер и безнадежно глупый спонсор. Спонсор выжил, но обезображен. Щенки в порядке. А бухгалтер – в критическом состоянии.

- Бухгалтера за что?

— За то, что он пытался свести смету так, будто транспортировку раненой собаки можно было провести силой мысли.

- А спонсор?

— За то, что решил поучить меня «разумному распределению средств». И предложил вариант, чтобы «девочке осталось на чулочки».

- И вы выжили?

— Нет. Это он выжил. Я не ношу чулки. А если бы носила, нашла бы на них средства. Полы бы мыла, например. А не отбирала бы у собачьих младенцев одно из кормлений смесью. Постеснялась бы.

Павел опустил глаза. Алиса уже знала, что это значит. Он смеялся. Внутренне. Почти против своей воли. Хотя на счет чулок—было рискованно.

- А у вас? — спросила она.

— Два вылета стаи. Один испорченный датчик. Один помощник с материка, который думал, что север любит самоуверенных.

- И?

- Север не любит никого. Его -- точно

- Как романтично.

- Это не романтика. Это статистика.

- А что сделал помощник?

- Подошел слишком близко к гнездовой зоне.

- Вы на него наорали?

- Нет.

- Тогда почему у вас сейчас такое лицо?

- Потому что хотел.

Алиса рассмеялась уже открыто.

- Вот. Наконец-то. Значит, вы все же человек.

- Не делайте поспешных выводов. Это просто мое лицо.

— Уже поздно.

Потом она попросила показать журнал наблюдений. Павел сначала отказался. Не резко. Привычно. Как человек, которому проще сделать самому, чем объяснять. Но Алиса не отстала.

— Мне интересно. Ну пожалуйста!

— Там ничего интересного.

— Для вас. А для меня там жизнь редких птиц и один очень суровый мужчина, который записывает ветер, будто это личный враг.

Он все-таки принес журнал. Толстую тетрадь. Плотные страницы. Ровный почерк. Короткие строки. Координаты. Время. Погода. Поведение стаи. Состояние сектора. Риски.

— Какой у вас строгий почерк, — удивилась Алиса.

— Это просто почерк.

— Нет. Это почерк человека, который даже буквам не позволяет распускаться.

Он не ответил.

— А вот это что? — она ткнула пальцем в экран. — «Пара держится отдельно. Поведение тревожное. Возможен повторный уход».

— Значит, птицы нервничают. Что-то их сорвало.

— А вы пишете так, будто переживаете.

— Я и переживаю.

Вот тут Алиса замолчала. Потому что это было сказано без всякой защиты. Без шуток и оговорок. Она увидела очень важную вещь. Он не был холодным и отстраненным. Просто человеком, который запрещал себе лишнюю теплоту в отношении людей. Но все остальное у него было живым. Работа, остров, птицы. И даже этот невыносимо сухой журнал были полны его внимания и заботы. Он умел любить не словами. И ее это тронуло. Даже сильнее, чем хотелось.

На пятый вечер он заговорил. Сам. До этого в основном вела Алиса. Она спрашивала. Вытаскивала. Переводила его реакции в разговор. Но в тот вечер Павел вдруг сам спросил:

— А что у вас за приюты?

— В смысле?

— Вы все время говорите «мы», «нам привезли», «мы устроили». Это один приют или несколько?

Она даже моргнула. Мужчина с острова интересовался ее миром. Нет, не так. Мужчине, чужому, захотелось узнать, в каком мире она живет. Без обязательной вежливости.

— Три постоянных, — отрапортовала она. — И еще куча людей с проблемами животных, которые всплывают по мере бедствия. Где-то кошки, собаки. Где-то старики на дожитии, которых бросили после смерти хозяев. Где-то пострадавшие птицы. В общем, веселый круг спасения.

— Вы этим давно занимаетесь?

— По-настоящему — последние несколько лет. Сначала просто помогала деньгами. Потом поняла, что деньги — это не все. И понеслось.

— Почему именно животные?

Алиса на секунду задумалась.

— Потому что они не умеют красиво врать о своей боли, — честно ответила она. — И потому что рядом с ними все сразу становится яснее. Они или доверяют. Или нет. Боятся или уже тянутся. У них все честнее. Мне это нравится. Миру их так легко обмануть. И забрать те крохи, что еще есть.

Павел слушал очень внимательно.

— А искусство тогда зачем? — спросил он.

Она улыбнулась.

— По той же причине. Только другим способом.

— Не понял.

— Искусство тоже не терпит фальши. Во всяком случае, хорошее. Его можно не любить. Не понимать. Можно спорить. Но если вещь живая, ты все равно это чувствуешь. Как с животными. Только они кусаются честнее. Не понравился, затеял плохое – получи разряд зубов. Впечатляет, со временем.

Он снова опустил глаза.

— Вы странно объясняете.

— Зато понятно.

— Это спорно.

— Вы сегодня особенно критичны.

— Я просто уточняю.

— А что вы хотели уточнить на самом деле?

Павел помолчал.

— Почему вы выбрали не что-то более... удобное.

— Для кого?

— Для вашей жизни.

Она чуть пожала плечом.

— Я и так живу в слишком удобной системе, которую для меня выстроил отец. Если еще и душу сделать удобной, будет совсем скучно. И мерзко.

После этой фразы повисла тишина. Потому что в ней впервые прозвучало нечто большее, чем разговор о животных и выставках. Не откровенность. Нет. Только край. Намек на внутреннее.

Павел не полез глубже. И именно этим удивил Алису. Другой бы обязательно спросил. Уточнил.

Сделал вид, что понимает. А этот — не стал. Кивнул и согласился.

— Логично.

Она посмотрела на него так пристально, что он это заметил.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Просто думаю, как редко мужчины умеют не лезть туда, куда их не звали.

— Я вообще редко куда лезу.

— Это я уже поняла.

— И что вас раздражает?

Алиса вдруг улыбнулась. Почти лукаво.

— Разное. Сначала одно. А иногда — наоборот.

На шестой день он показал ей фотографии казарок. Не экран с камеры. Настоящие фотографии.

Те, что делал для себя.

Они были прекрасны.

На одной птица стояла на сером камне, маленькая и гордая. На другой пара двигалась вдоль воды. На третьей яркое рыжее пятно на шее вспыхивало так остро, что казалось — в этой северной сдержанности кто-то нарочно оставил маленькое пламя.

Алиса смотрела молча.

— Красивые, да? — спросил Павел после паузы.

Она подняла глаза на экран.

— Очень.

— Вы говорите это так, будто удивлены.

— Я и удивлена. Не птицам. Вами.

Он не понял.

— Почему?

— Потому что вы их видите не как объект работы.

— Они и не объект работы.

— Вот именно.

Он молчал. Потом сказал очень просто:

— Нельзя жить рядом с кем-то живым и видеть только функцию.

Алиса почувствовала, как у нее внутри что-то мягко сдвинулось. Вот оно. Близость мышления.

Та самая, которой оба не ждали. Без романтики, «судьбы» и красивых слов.

Просто внезапное узнавание. Она ждала от него сухой профессиональной отстраненности.

Он, видимо, ждал от нее городской благотворительной позы. А вышло иначе.

И это делало разговоры опасно хорошими. В тот вечер звонок затянулся. Уже после обычного времени, Алиса завернулась в плед плотнее. На улице похолодало. Она укрыла ноги. Как всегда делала, когда уставала сильнее. Чем признавала.

Павел рассказывал, как однажды ветер сорвал крышку с контейнера. И ему пришлось ночью ловить по настилу половину оборудования. Алиса смеялась так искренне, что он пару раз сам сбился с привычной ровности.

Потом он вдруг спросил:

— А выставки вы правда любите? Или это красивое продолжение образования?

— Люблю, — ответила она. — Особенно вещи, в которых есть воздух. Пространство. Тишина. Такие, где не нужно, чтобы тебе все разжевали до состояния школьного сочинения.

— Значит, вам не нужен гид.

— Нужен. Но хороший. Который не мешает видеть.

— Как камера у птиц.

Она удивленно подняла брови.

— А вот это было красиво.

— Я не старался.

— Оттого и вышло.

Они снова замолчали. И в какой-то момент Алиса потянулась за чашкой. Плед соскользнул с плеча. Совсем немного. Но достаточно, чтобы обнажить ключицу, тонкую линию шеи и мягкий край домашней майки под распахнувшимся воротом рубашки.

Павел увидел. И сразу отвел взгляд. Слишком заметно. Алиса тоже заметила. Но не стала поправлять плед мгновенно. Только через секунду. Спокойно. Без суеты и женской игры в смущение. Никакого кокетства. Это дало между ними странный электрический зазор.

Не стыд, флирт. Первый миг, в котором оба поняли, что по ту сторону экрана не только собеседник и партнер по фикации. Мужчина. Женщина. Живые.

Павел заговорил после слишком затянувшейся паузы. Явно стараясь не делать ее длиннее.

— У вас холодно?

— Уже нет.

— Плед сполз.

— Я заметила.

Он кивнул. И больше ничего не сказал. Алиса ясно оценила именно это. Не пошутил ниже пояса. Не сделал вид, что ничего не видел с преувеличенной неловкостью. И не полез

спасать ее от собственной уязвимости. Просто назвал факт. Оставил ей право самой решить, что с ним делать.

Она подтянула плед и мягко сказала:

— Спасибо.

— За что?

— За то, что вы не делаете из простых вещей цирк.

Он посмотрел на нее прямо.

— Вы тоже.

Пожалуй, это было самым близким, что между ними случилось до сих пор.

На следующий вечер звонок начался поздно. Связь долго не ловила. Экран подвисал. Алиса уже злилась. Не на него. На эту странную внутреннюю пустоту, которая вдруг обнаружилась в ней. От одной мысли, что сегодня разговора может не быть.

Неприятное открытие. Когда связь все-таки появилась, она сказала слишком быстро:

— Я уже решила, что вас сожрал север.

— Невкусно, — ответил Павел.

Она засмеялась с облегчением, которого сама от себя не ожидала. В тот день он был мягче.

И она опять заметила это раньше, чем следовало бы.

Он спрашивал про выставку, которую она курировала когда-то до аварии. Она рассказывала. Сначала сухо. Потом живее. Следом совсем забыла, что это «обязательный звонок». Говорила о свете в зале. О том, как важна дистанция между вещью и зрителем. Как некоторые полотна нужно не разглядывать, а переждать рядом.

— Как шторм, — сказал Павел.

— Да, — удивилась она. — Почти, как шторм.

Он кивнул, будто это и было самым естественным сравнением в мире. И Алиса снова подумала, нахмутив брови. Как странно легко с ним там, где она ждала стены. И непонимания.

Почти под конец она спросила:

— А вы сами когда-нибудь были на выставке, которую помните?

Он помолчал.

— Да.

— И?

— Одна старая графика. Почти пустая. Линия, бумага, много воздуха. Я тогда не понял, зачем так мало. А потом долго помнил именно те работы.

Алиса смотрела на него уже без всякой иронии.

— Вот теперь я совсем не знаю, что с вами делать, Павел Андреевич.

— Почему?

— Потому что вы все время оказываетесь сложнее, чем надо. Для моего спокойствия.

На этот раз он не отвел глаз.

— Взаимно, — ответил он. Без улыбки.

Они проговорили еще минут десять. О рыжем псе при маяке. О кошке Маргариты Сергеевны, которая считала всех недостойными. Как смешно и страшно бывает, когда живое существо вдруг выбирает доверять тебе.

Потом связь снова начала рваться. Шум. Помехи. Тусклый экран. Голос с провалами. Павел посмотрел куда-то вбок. Видимо, на индикатор сигнала.

— Похоже, сейчас все рухнет.

— Не смейте, — воскликнула Алиса.

— Это не я.

— Все равно не смейте.

И тут он впервые за все эти дни улыбнулся так, что это было видно полностью. Не только по паузе. Быстро, но достаточно. Алиса замерла. Он тоже понял, что сделал это. И почти сразу стал прежним. Но было поздно. Она уже увидела.

У него за окном было светло по северному. Не вечер и не день. Что-то промежуточное. Светлая холодная бессонница и чуть печали.

Он перевел камеру чуть в сторону. На экране появилась темная вода. Море. Свинцовое. Большое.

Спокойное только сверху. И в нем было столько воздуха, что Алиса на секунду перестала слышать даже собственную усталость.

— Красиво, — прошептала она.

— Да.

— Я хочу посмотре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.